

Борис Белокуров
(Усов)

7ЛБЭ

18+

Борис Белокуров (Усов)

Эльд

2020

УДК 84(2=411.2)6-5
ББК 821.161.1-1

Белокуров (Усов) Б.

Эльд / Б. Белокуров (Усов) — 2020

ISBN 978-5-905623-17-2

Настоящая книга представляет собой полное и, к несчастью, уже посмертное собрание лирики Бориса Усова — московского поэта и лидера культовой музыкальной группы «Соломенные еноты». Издание адресовано широкому кругу читателей, интересующихся современной поэзией.

УДК 84(2=411.2)6-5

ББК 821.161.1-1

ISBN 978-5-905623-17-2

© Белокуров (Усов) Б., 2020

Содержание

Предисловие	6
Без даты	12
Мне не хочется стать привидением [1]	12
Маскарад [2]	14
Осень 1937 [3]	15
Монолог Гамлета [4]	17
Арканар	19
Армия Мэри Шелли	21
«Безболезненна тварь, что не чувствует радость...»	22
Взорванная вечность	23
Гостя Из Настоящего	24
«Интернационал»	25
«Когда закончатся неоновые ночи...»	27
Крик дельфина	28
На Зелёной миле	29
Новогодняя весна	31
«Она сказала: «Что такое, в самом деле?...»	32
Пьянство	33
«Ты стояла в белом платье у раскрытого окна...»	34
Утиные истории	35
Шаг в сторону	36
Эпилог	37
Январь-февраль 2013	39
NB и его стремительная ватага	39
Stop	41
Больница	43
Гранитные семена (Micescatcher town)	45
«Красные глаза на белом фоне...»	47
«Мы строили лодку, ладью под названием «Награда»...»	48
Сеульский расклад	49
«Ты спросишь меня, где мои ордена...»	51
«Я курил табак. Сигареты «West», город Гамбург, без дураков...»	52
«Я ходил по коридору в майке с Брюсом Ли...»	53
2006	54
Холод полярных льдин	54
Alphaville	56
Ashes to ashes	58
Земля мертвецов	59
Игра в гляделки	60
Кольцевая	61
Фильтр	62
2005	64
Интернет	64
Песня для Аниты Муи	66
Арки	68

2004	70
Point Blank	70
Коготки (Теракт нежности)	71
Ленивец-ревнивец	73
Прайм-тайм	74
Так плаваются тигры	75
Тянь-Шаньская баллада (Як-истребитель)	77
2003	79
Bondiana (Better tomorrow)	79
Catland	81
«Общий знаменатель русской лесополосы...»	82
Space opera (Котобус)	83
Dolly/Ватерлоо	85
Аккордеон	86
История Всемосковского Панк-Клуба	88
Мы были коалами	90
Рейнеке-лис	92
Нет такого зверя	93
2002	95
Не воскреснет	95
Слёзы чёрного тигра	97
Чайная плантация	99
Тропой бескорыстной любви (Dagon)	100
Madame Baclachkina	102
Узнать, когда летают самолёты	103
Колыбельная (Sunset)	104
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Борис Белокуров (Усов)

Эльд

Предисловие

Про любую песенную поэзию, сменившую музыку на бумагу, обычно предупреждают заранее: это всё-таки надо слышать. Тексты «Соломенных енотов», в общем, не исключение – конечно, мелодия и просодия навсегда забальзамировали эти слова, однако звуковой подачей дело не ограничивается. Напечатанные тут стихи надо *видеть*. Глазомер Бориса Усова (Белокурова) не менее удивителен, чем звукоряд.

Откуда взялись две фамилии? Главную бедовую славу Борис снискал под именем Усова, но этой легендой, а также зависимостью от прошлого он в последние годы откровенно тяготился и поменял фамилию, женившись на Насе Белокуровой, – в некотором смысле он так отказался от своего внутреннего мистера Хайда. (Можно вспомнить, что и у почитаемого Усовым Генсбура был изобретённый тёмный двойник – Генсбарр.)

Само название группы – уже синефильское, Усов и сам пел: «Нелепо рок-звездой быть, нормально быть звездой кино» или «У меня есть друзья, они ходят ко мне, как в киношку». Это совершенно так, его песни часто воспринимаются как налёт на ретроспективу, где кого только не встретишь – от Чарлза Лоутона и Ким Бессинджер до Хэла Хартли и Сэма Лаури, от страны глухих до моста через реку Квай. В конце концов, в усовской компании даже уличные алкоголики носили прозвище «спилберги», а одно из последних стихотворений в жизни Борис написал про Брюса Ли.

Дело даже не в киномании как таковой, но в самом превосходстве образа над цитатой. Когда Усов поёт: «Домохозяйки в сторону отложат Айрис Мердок», совершенно не важно, о чём Мердок писала и кто она вообще есть. Равно как и строчку «Вернер Херцог шёл к Лотте Эйснер» не стоит гуглить, ведь здесь куда принципиальнее ситуативная наглядность и работа на представление. Перед нами незамутнённый взгляд камеры, а не корм для гиперссылки, это уникальный киношный дубль, а не завязтый сетевой клик.

Большинство текстов Усова напоминают тщательно отрисованные раскадровки. В этом, кстати, одна из причин его многословия (приближающегося в лучших своих образцах вполне к параметрам Высоцкого, очень им ценимого) – он тщательно планирует расстановку и заранее выстраивает свет для собственных слов, поскольку в каждом стихотворении как будто идёт негласная подготовка к большому нездешнему зрелищу, поэтому важна каждая деталь, точнее эти детали приобретают свойство правила. Этот фильм никогда не будет снят. Но в неукоснительной работе на грядущий миражный киносеанс – весь смысл «Соломенных енотов».

Ключ к творчеству Бориса Усова – не структурализм, но герменевтика, не языковые эксперименты, но тотальная эмпирика. Это вообще не игры ни в малейшей мере. К лирическому герою «Соломенных енотов» применимы слова Ролана Барта: «Воображаемое – материя серьёзная (ничего общего с серьёзностью как „добросовестностью“: влюблённый – отнюдь не человек с чистой совестью): мечтательный ребёнок (лунатик) – не игрок; точно так же закрыт для игры и я: в игре я не только всё время рискую задеть одну из своих болевых точек, но к тому же всё, чем забавляются окружающие, кажется мне гнетущим; меня невозможно поддразнить

без риска. Обидчивость, подозрительность? – скорее нежность, ломкость, как у волокон некоторых сортов древесины».

Ломкая поэзия Бориса угловата, но углы выставлены по заранее установленным правилам, как в кунг-фу (Усов, кстати, любил на некоторых фотографиях изображать соответствующие пассы руками). То же и с музыкой – при всей шумихе и неразберихе в ней всегда прослеживается чёткая линейная геометрия. Это как в старой песне про маленького дракона, где всё как раз перегорожено прерванной линией, но есть и тонкая соломинка недоприрученности чёрной пустотой, по которой одной и можно пойти. Его стихи никогда не лабиринт, но соединение светящихся точек – Усов как древний египтянин натягивает волокна финикийской пальмы над гниющим илом. Его стихи полны таких несущих конструкций, которые не рухнули за все эти годы. С течением времени становится всё очевиднее, что они простоят ещё многие десятки лет.

В довольно разветвлённом мире самопального панка и постпанка девяностых годов XX века «Еноты» с их зоосемиотикой и коньковским акмеизмом в первую очередь поразительно узнаваемы – нельзя ни с кем спутать ни эти высокомерно-взвинченные и одновременно воркующие, как искомый плач форели, интонации, ни этот аскетичный и романтический звуковой строй. «Еноты» родились в момент, когда постсоветское пространство резко сузилось до книжного развала и ларёчного окошка. На стыке читабельной культуры и уличной цивилизации зародился автор – *зомби, потративший на ерунду свою молодость*. Благодаря его мановениям сугубо суточный контекст из «Менатеп», сникерсов, танков-инвалидных колясок и прочей накипи начала девяностых взмыл сразу в матрицу Земли. «Еноты» были и остаются в первую очередь группой художественных преувеличений, и область воздействия последних простирается далеко за пределы вышеупомянутых девяностых или нулевых, и вообще, строго говоря, не десятилетиями такое следует измерять. Если их гордое и особенное искусство и нуждается в какой-то дополнительной помощи, то дело тут за художниками. Этим песням нужны неизгладимые, в духе Гранвиля или Сендака, иллюстрации, как книгам из библиотеки фантастики и приключений – потому что миры, воспетые «Енотами», нужно видеть воочию: и кошку по имени Ла, и весну в Сиаме, и мотылька-птеродактиля, и утро всех галактик, и мир подводный и земной, и даже мента, который всё будит и будит героя на станции «Битцевский парк». Поэзию Усова отличает эпическая наглядность. Он подаёт любые события – как свершённые, а образы – как существующие. Это метод «сбывающегося говорения», как в некоторых формах немецкой философии.

Первая книга стихов и песен Бориса Усова называется «Эльд» – с отсылкой к кинговской «Тёмной Башне». Он планировал так же назвать и последнюю несостоявшуюся запись «Енотов» – затевался альбом-гигант с обилием накопившегося со времён «Эн и я» материала. Борис сам успел составить книгу и незадолго до смерти отредактировать в ней почти всё. Впервые собранные воедино, эти тексты производят совершенно новое впечатление. Разумеется, и раньше было понятно, что Усов реально большой поэт, крупнейший из тех, кто брался за микрофон и гитару в соответствующую эпоху, но, во-первых, напечатанный текст сильно облегчает задачу будущим толкователям (во многих песнях в силу специфики их записи все эти годы слышалось чёрт знает что; я, например, только теперь, спустя семнадцать лет, разобрал, что именно артикулировалось в первой строчке композиции «Нерпы охотского моря»); во-вторых, этот массив текстов являет собой на редкость стройную и законченную картину мира, в которой практически нет недомолвок, а обилие симметричных образов и филигранно выстроенных (и выстраданных) мотивов превращает усовское наследие в благодатный предмет

для будущих хрестоматий. (Кстати сказать, как у всякого крупного поэта, обращение к потомкам здесь вполне предусмотрено: «Первоклассники, снимите ранцы вы».)

Так, один из таких принципиальных мотивов – это размежевание (в том числе и со слушателем). Усов – великий полководец без армии, изобретатель всё новых и новых заградительных фильтров. Как сказано в одном его стихотворении, «...а я же фюрер здесь, я всё же кайзер... я самый лучший, я всегда один». В центре поэзии – олдскульное модернистское «Я» с его телескопической ангажированностью и неадаптивным волеизъявлением.

«Крылатый ребёнок сплетёт мне венок из черешен и аккредитацию на первомай-карнавал...», «Да здравствует жизнь на высокой ступеньке, куда никому не залезть...» Анжелика, маркиза ангелов, едет к нему и только к нему одному. Усовская поэтика пространства – это сиятельный увечный вальс большого произвола, где найдётся место всему, но не для всех. Если, например, Гребенщиков (важный для Усова сочинитель) вбрасывает в мир многочисленные образы, делясь, красуясь и окунаясь, то Усов ими от мира отгораживается. Его книжки и фильмы стоят к нам спиной и корешками. Мы видим названия, но их настоящий смысл от нас скрыт.

В плане предельного абсолютизма Усов, конечно, наследник классической романтической традиции, того же Новалиса с установкой «Моя возлюбленная есть сокращённое подобие вселенной, а вселенная есть распространённое подобие моей возлюбленной». Если говорить о более близкой рок-истории, то ближайший аналог Усова – это, вне сомнения, Марк Смит и группа The Fall – тот же баланс между поэзией, нуждающейся в академических комментариях, и инструментовками, годными для панковских плясок, та же рдяная непримиримость, те же болеутоляющие зависимости, та же тирания словарных запасов, та же топонимическая привязанность (манчестерский урбанизм Смита vs. печальные тропики коньковской лесопарковой зоны Усова), то же понимание рок-н-ролла как немзыкальной формы искусства. И даже умерли они с разницей в один год.

По Усову, каждый предмет фетишизируется и уходит в навсегда или в никогда, однако при любом раскладе всё зависит от тебя. Главное – начать движение вспять, против расколдованного мира. Сначала ты абсолютизируешь своё «Я» до предела, а потом начинаешь расширяться до космической бесконечности. Ровно так и происходит в его понятийной системе: в схеме линий московского метрополитена мерещится наше древо Сефирот, а универсам (если дружественный) – это портал в универсум.

Звучание усовского эмоционального строя определяют метатравма-тика и всегдашняя готовность к жертве. Призрачный корабль уже летит на скалы, но эта боль всегда поднимается вверх и утверждает себя в категориях мифа. Поэтому и терапия тут возможна разве что сразу на галактическом уровне – «Сын земли, отдыхай, ты свой отдых уже заслужил». (Поразительно, он написал эти строки в 26 лет.)

Почти в каждой песне неизменно присутствуют мифопоэтическая вескость, архаизация и сакрализация. Это учтено даже на уровне бытовых хроник – брошенная на давешнем концерте табуретка воспринимается просто как ритуально-роковая веточка омелы. Как он это делает? Возьмём классическую строчку: «Я провожу на ладони экватор острым куском стекла». Это не символический жест. Нет ни малейших сомнений в том, что разрез настоящий, а значит реален и этот ручной экватор – нет других вариантов. И это – принцип работы мифа. В конце концов, само пространство мира в некоторых верованиях возникает ровно по этой болевой

схеме, от индоевропейского корня *reg* – то есть проводить линию, резать. Таким образом, перед нами уже не частный случай саморазрушения в комнатных сумерках, но выделение из хаоса, развёртывание вовне и в конечном счёте утверждение нового порядка.

У «Енотов», конечно, всё в порядке было с декадансом, но понятным опять-таки в старом романтично-ницшеанском ключе: «Героизм есть добрая воля к абсолютному самоуничтожению». При всей предельной и добровольной маргинализации («неврастеник и люмпен», как сам Усов в стихах характеризует своего героя) в нём никогда не было знакового и расхожего юродства, так или иначе свойственного русской литературной традиции. Борис – не подпольный человек, и его песни – не записки сумасшедшего.

Кроме того, Усов не метафизик и не мистик. Он скорее фантаст. В его стержневом стихотворении отрезвляюще сказано: «На этих высотах иллюзиям не хватит кислорода» (как не вспомнить Мандельштама и его «Как мусор с ледяных высот»). Усов в лучшие времена пил много и нестерпимо, однако лирика всегда оставалась внятной даже в описании самых крышесносных бутылочных фейерверков. Так, например, ему принадлежит одна из самых лаконичных фиксаций запоя в русской культуре:

В квартире, в пьяном угаре
Сидят, как будто бы в баре.

Вроде бы ничего сверхвыразительного, однако любой знакомый с проблематикой человек оценит эту деликатную точность и свежесть формулировки – вполне на уровне «Потерянного уик-энда» Билли Уайлдера.

Непримиримость Усова с его совершенно дуэльной эрудицией всегда направлена извне и предполагает буквальное физическое столкновение. Собственно, оно заложено уже в самом названии группы, а заголовки иных песен или альбомов неуловимо похожи на названия проигранных военных операций: «Крест на доверии», «Полет Валькирий», «Кровь тополей», «Ружья Тёплого Стана» etc. С одной стороны, криминальная рифифи-романтика навеяна (помимо документальной феноменологии столичных девяностых) опять-таки французским гангстерским кино – все эти «я молодой бандит», «я гуляю с кастетом в руке», «слышу зов тюрьмы» и пр. Кроме того, в ней присутствуют невольные отголоски московской богемной поэтической традиции с её агрессивным герметизмом и войной с обывателем. Сравните, например, голливудское:

Для быдла одна свобода
Ютиться в своих городах
Я знаю спасенье от холода
Нужно искать во льдах

и усовское:

Удар альпенштоком в окно, чтобы видеть Альпы,
Рабочее быдло снимает с прохожих скальпы.

Усов редко пользуется безответственными метафорами войны как таковой. «Я был телом для штыка», «пусть будет война» и прочая достопамятная тюменская бравада была им благополучно преодолена в пользу более точного и сугубо автобиографического слова. Усов – не

про бытийную войну, но про бытовую стычку и даже грызню. В его мире мы не *лёд под ногами майора*, напротив – мы сами худо-бедно выезжаем на своих кривых-косых, но боевитых серебряных коньках (из Коньково!) и режем ими эту вечную мерзлоту, пока не свалимся с ног.

«Бутылкой ударили в темя соседа, который мешал» – это не классовая борьба, но мгновенно включающаяся система нетерпения. Она строго природная – ведь животные не воют. *Мир выпускает когти в лучах одиночества, морские ежи нам подарят ножи*, а высшая точка анимизма – это песня «Як-истребитель», самая, пожалуй, отчаянная и злая из репертуара «СЕ». Все усовские героини-мстители – именно что «невинные убийцы», как в памятной советским детям книжке Джейн и Гуго ван Лавик-Гудолл, которую Усов уж всяко читал. Его строки, как и звери, беззащитны и безжалостны одновременно, и дело не в злости, а в той самой «недоприрученности» (слово, которое он сам же и ввёл в поэтический обиход), на которую обречены его стегозавр с мраморными глазами, львёнок на неоновом тротуаре, загадочный манул, мотылёк-птеродактиль, лосёнок, бегущий по летнему лугу, раздавленный крот и мышь словно маленький паровоз. Опять-таки возвращаясь к кино – чутьё на звериный мир у Усова почти брессоновское; кажется, только Брессон умел так показывать умирающего осла или зайца, угодившего в силки. И основное нерешаемое противоречие «СЕ» состоит не в битве между индивидом и каким-то социумом, и даже не в противостоянии между морлоками и элоями. Оно куда более глубокое и обширное, и расположено между разными видами любви – «Моя Артемида с серебряным луком застрелила мою росомаху».

Стихи Бориса Усова – не только эпос, но и атлас. География – любимая наука детства, последний неотенический признак, и компас «Соломенные еноты» хоть и вертелся в самые разные стороны, но никогда не сбивался с курса. Пномпень, Руан, Иллинойс, Эльба, Париж, Венеция, Канзас, Гамбург, Польша, Сан-Лоренцо, Иссик-Куль, Северный Йемен и дальше – напрямик на Авалон, который тоже есть на этой карте. Усов – подлинный географ, пропивший весь земной глобус, но соорудивший в своих песнях взамен некий хроно-синкластический инфундибулум, как у Воннегута, в котором всё может сойтись только для того, чтоб тут же разлететься на части в ожидании очередной материализации.

Из всего вышесказанного у неосведомлённого человека может сложиться ощущение, что речь идёт о некоем непримиримом затворнике с энциклопедически-сектантскими познаниями и такими же амбициями. Это в корне не верно. Конечно, эти стихи сопротивляются постороннему вмешательству и неплохо на этот случай оснащены. Конечно, не худо бы знать, чем *верлюка* отличается от *ворволоки*. Однако герметизм Бориса Усова всегда имеет свои лазейки, да он и сам не прочь подмигнуть в песнях: «Сыграем в „любит-не-любит“ под солнцем знаешь кого?»

«Соломенные еноты» делали болезненно живое и зачастую очень весёлое искусство, несомненно, для своих, – но что мешает кому-либо стать своим? Усов, конечно, человек книги, полки и культуры, но культура, которую он особенно отстаивал, была по определению массовой и экзотически-сюжетной: кино (особенно индийское), фантастика, Генсбур, регги и афробит, The Rolling Stones, Чейз, «Дон Кихот» и «Моби Дик», наконец. Панк-рок Усова был родом из библиотеки приключений, и корни его – в той прошлой и некогда массовой культуре, которая вдруг стала подвержена массовому же вымиранию, как и сама биосфера. Культура Усова стоит на стороне природы и реальности, а никак не на позициях символического. Как раз представители high brow были ему не в масть, вот, к примеру:

На этом прощаюсь, Иосиф Бродский, лауреат.

Я один, а таких, как ты, в мире – прорва адская.

Борис Усов создал целую лабораторию неучтённого, и за этими строчками ты никогда не знал, что ждёт за поворотом – как будто блуждаешь в каком-то затерянном НИИ или переходишь из одного корпуса поликлиники в другой, и вдруг тебе открывается нестерпимо-осенний, уже примороженный вид из окна, и там, на отмели автобусной остановки, сидит отчётливо-одиноким пропойца и разговаривает сам с собой. Вся лирика Усова построена в том числе и на внимании к этому нулевому пациенту с остановки, к «чуткому обитателю наших внутренних лесов», как выразился бы другой поэт.

Искусство Бориса Усова при всех его разломах и смещениях было очень домашним и теплолюбивым. Он слышал зов всего мира, но воз-вращался на эхо комнатного мяуканья. Вектор был – как в названии романа Бориса Поплавского: «Домой с небес». Один из самых тонких и негибких финалов, которые Усов предложил в своих песнях, звучит так: «Я люблю этот город, пускай он концлагерь, концлагерь, зато лично мой – и вот так Анжелика, Маркиза ангелов, укатила обратно домой!» Его лирический герой, как в индонезийском эпосе, обречён плавать по океану нижнего мира в алмазной лодке, пока ему не бросят горсть земли, созданную из осколков Луны и Солнца. Поэзия Усова может показаться изнурённой и несовместимой с жизнью, но на самом деле он просто выкрутил ручки спектра до основания, когда за сияющими причудливыми палитрами неизбежно наступила слепящая больничная белизна и он без страха двинулся ей навстречу. Однако ручки выкручивались в правильную сторону, яркость перегорает от нестерпимо завышенных требований, а не сошла на нет в каком-то замороженном отказе от цветов и красок. Попутный мрак его откровений – это лишь необходимая темнота кинозала. Когда включили свет, оказалось, что он уже сделал всё за нас. Его музыка, его книга, его смерть – это послание тем, кто слушал эти песни и что-то своё, вероятно, расслышал или расслышит впредь. Борис Белокуров всё повидал в своей *Марракотовой* бездне, вытерпел и разукрасил за всех, кто смотрел этот фильм, – так что никому не следует вслед ему ни резать вены, ни запасаться «Терпинкодом», ни попытаться тоже сделать, как он пел когда-то, «уже трейдмарк» из каждодневной водки. Это будет в высшей степени недогадливо, тогда как усовское достояние всё-таки адресовано тем – как он сам выразился на одном из последних концертов – «у кого мозги есть». Его самоотречение не тиражируется и не предполагает оммажей.

В числе сотен своих не до конца ещё нами разгаданных строк Борис Усов оставил, в частности, совсем простое завещание: «Мир, по опре-делению, не трагичен».

Максим Семеляк

Без даты

Мне не хочется стать привидением ¹

Мне не хочется стать привидением
Привидения – слишком добрые
Поживёшь здесь в ногу со временем,
Так захочется сделаться коброю
Леопардовой шкурой – пожалуйста,
На плечах у живых монет
Каплей крови иль каплей жалости,
Но не призраком глупым, нет!

Мне не хочется стать привидением
Привидения – слишком светлые
Незаметных здесь любят всё менее,
А все призраки – незаметные
Здесь народ от испуга бесится,
Погружаясь по горло в быт
Здесь чеченская кровь на лестницах,
Золотых от царских копыт

Мне не нравится быть привидением
И шататься по тёмным углам
Там, где строит вервольф-поколение
Ослепительно-зверский храм
С неба валится грязная манна
И отсутствие новостей
Иоанны да Чингисханы
Ищут новых путей-сетей

Мне не хочется стать привидением

Крутит ворон над белым айсбергом
Театральные виражи
В этот день первобытно-пасмурный
Как поймать тебя, подскажи
И когда на весенней лестнице
Ты окликнешь меня (или нет)
Мне не хочется, чтобы в глазах моих
Ты нашла мистический свет

Мне не хочется стать привидением

¹ Стихотворение прочитано Борисом на Поэтическом вечере 5 декабря 1996 г.

Бродит окунь в реке загадочной
Ищет окунь себе примет
Ищет окунь любви не сказочной,
А такой, чтоб на много лет
Не понять молодому окуню
Как проникнуть на нужный фланг
Так оставайся в спокойном коконе
Привидение-бумеранг!

А мне не хочется стать привидением.

Маскарад ²

Сегодня я как-то особенно рад
Трубите, беспечные трубы!
Меня пригласили на бал-маскарад
Мои кореша из рок-клуба
Отлично! Ништяк! Я люблю свой рок-клуб,
Москву и кремлёвские стены
И я встречу там многих друзей и подруг,
И женщину с мордой гиены
И женщина с мордой гиены шепнёт:
«Не хочешь ли выпить спиртяги?»
И я забухаю и с криком: «Вперёд!»
Её проведу до общаги
Но если потом она спросит: «Зайдёшь?»
Скажу ей: «Пока, дорогая!»
Я русский поэт. Я не верю в пиздёж
И в догмы грядущего рая
В раю этом выгодно маскировать
Кулак под надкушенный пряник,
Чтоб в море житейском скорее взорвать
Судьбы моей быстрый «Титаник»
Но пусть я не грелся у тёплой печи
За долгие зимние ночи,
Я должен отнять у фортуны ключи
От сердца по имени... Впрочем,
Вы правы. Конечно, не нужно имён
Без них веселей и понятней
Весь мир нарядил свой звериный закон
В цветастое пёстрое платье
И старый, как Библия, зверь Компромисс
Как прежде, спешит по дорогам
Но хочется верить, что, падая вниз,
Я, к счастью, теряю немного
А небо бегущей строкой облаков
Печатает белую книгу
О том, что отчаянье долгих веков
Главнее короткого мига
И день опускается снежной крупой
На чёрный от времени тополь
Но мне всё равно. Я остался живой
И нынче же вечером вместе с тобой
Мы едем лабать в Симферополь.

² Стихотворение прочитано Борисом на Поэтическом вечере 5 декабря 1996 г.

Осень 1937³

Осенью тридцать седьмого года
Ко мне прилетела добрая фея
Ворвалась глупой чайкой в окно коммуналки
Где я бухал, никому не веря
Сказала: «Ты чем-то мне приглянулся,
Может быть тем, что похож на многих,
На многих, кто к жизни теряет стимул,
Так вот тебе шанс весь мир переделать
Смотри: я дарю тебе чудо-машинку,
Нажмёшь на кнопку – и будет польза
Ты сможешь восстановить справедливость,
Ощутить себя властелином судеб»

Такие вот вещи сказала фея
И прыгнула снова на подоконник
Я закричал ей: «Постой! Забухаем,
Поговорим...» Но она улетела
И я вышел на улицу Маросейка
Цветомузыка-водка в крови играла
И одним мановением волшебной машинки
Исчезали плакаты, дома, проспекты
Все диктаторы мира, несмотря на охрану,
Умирали молча, как динозавры
И простые люди прыгали с башен
Осознав фашизм пятилетних планов
Я просеял толпы сквозь сито правды
И они поредели и стали меньше,
Но в глазах своих я не мог быть гадом,
Потому что знал: счастье так возможно

И под утро я заявился к любимой
И сказал: «Обиды должны быть забыты,
Чтоб для нас замкнулся весенний контур,
И настало вечное равновесие»
Но она мне сказала: «Какого чёрта!
У меня есть бой-френд, и мне с ним нормально»
И я то и дело нажимал на кнопку
И всё время пил из бутылки водку

После, помню: орал и братался с чернью,
Спал в метро. По пьяни потерял машинку,
Мир вернулся вспять. Я очнулся дома,
И холодный ветер стучался в окна

³ Стихотворение прочитано Борисом на Поэтическом вечере 5 декабря 1996 г.

Мы будем жить и выживать на земле своих предков
Жить и выживать на земле своих предков
Жить и выживать на земле своих предков —
Не надеясь на чудеса.

Монолог Гамлета ⁴

Гул затих.
Я вышел на подмости.
– Кто таков?
Нет, я не Гамлет
Я другой
Как он, гонимый миром мурхур
Но только с русской душой.
Не всё прогнило в Датском королевстве,
Но всё, что было ценного – прогнило.
Так быть или не быть?
Вот в чём вопрос.
Достойно ли склоняться под ударами судьбы
Иль надо оказать сопротивление?
Или не надо...
Взмурхурить?! Уснуть?..
Я мог дворами
Но я через арку шёл
Мне так хотелось по зубам им навернуть.
Один из них сейчас ментом. Такой козёл!
И я мочил его в той арке много раз
Он был всегда готов на разный заподляк
И я его с размаху бил под левый глаз
И каждый вечер реставрировал синяк.
Тогда в моих очах возникнет интерес —
Когда на Эльсинор пойдёт войной бирманский лес.
А так... Карету мне, карету, метафизический Годзилла!
Грузи меня в ролс-ройс, зови меня Джеймс Джойс,
Вези меня со свистом в Иллинойс.
О, где ты, где ты, где ты, о, белая карета?
Прохановы свирепствуют на свете.
Под натиском спецназа и ОМОНа
Оделась ли ты на ночь, Покемона?
Гитару я сломал твою. Кремону
Но так тебе и надо, покемону.
Летиция, предстань передо мною
Бирманским тигром, страшным носорогом,
Медведем русским, кем-нибудь другим...
Прохановы свирепствуют на свете.
Да, я пьяна. Да, я пьяна
Так много выпила бокалов,

⁴ В монологе использованы цитаты из Бориса Пастернака «Гамлет», Уильяма Шекспира, Михаила Круга, Михаила Щербакова и дублированного для советского проката фильма Рамеша Сиппи «Зита и Гита» (1972). Изначально монолог был значительно больше, но во время выступления Борис забыл часть текста. Полный вариант монолога не сохранился. Стихотворение прочитано Борисом на презентации CD альбома «Весна в Париже» группы «Лайда» (Москва, магазин «Дом Культуры», 29.03.2009 г.).

Что даже счёт им потеряла
И остаётся мне уйти
И остаётся мне уйти.
А вам остаться.

Арканар

Чёрный сентябрь. Оборвавшийся маятник
Ладно, на наших руинах взойдут города
Помнишь, вчера, на последнем экзамене
Ты не сумел объяснить, что такое мечта
Брось свой глоток запрещённого воздуха
В жертву напалмовым ежеминутным дождям
Девочка в Парке Культуры и Отдыха
Купит кулёк леденцов и пошлёт всё к чертям

Сам себе стрелок, сам себе мишень,
Я иду. Куда? Даже думать лень
Я иду вперёд по земной коре
А в моём дворе, а в моём дворе

РАЗГОРАЕТСЯ МОЙ ПОЖАР – АРКАНАР

Слёзы не иволги, слёзы кукушкины
Ты их сумей различить, распознать, оценить
Панки сойдутся на площади Пушкина
Будут глядеть на витрины и «Балтику» пить
Двое сопьются, а трое повесятся,
А остальных по местам распихает родня
Волки не воют на блеск полумесяца
Цой, Сукачёв, Достоевский – какая попсня!
Сам себе стрелок, сам себе мишень
Я иду. Куда? Даже думать лень
Я иду вперёд на краю огня
А вокруг меня, а вокруг меня

РАЗГОРАЕТСЯ МОЙ ПОЖАР – АРКАНАР

Новый millenium, ну его к лешему
Дети прокуренных комнат вдыхают туман
Прошлого – нет, и луна ошалевшая
Сонно ползёт ко мне, как недобитый душман
Фары авто, как контактные линзы
В их жёлтом свете понятно, чей будет черёд
Чёрный сентябрь. Оборвавшийся маятник
Что там на наших руинах взойдёт, не взойдёт?

Сам себе стрелок, сам себе мишень
Я иду. Куда? Даже думать лень
Я иду вперёд по коре земной
А передо мной, а передо мной

РАЗГОРАЕТСЯ МОЙ ПОЖАР – АРКАНАР.

<1997–1998>

Армия Мэри Шелли

Если мгла за краем постели
Если в небе разрывы шрапнели
Если в зеркале не отраженье твоё,
А создание Мэри Шелли,
Что гуляет уже веками
И в кино, и на телеэкране
Ничего, не грусти, Мэри Уолстонкрафт...
Ностальгия в моём стакане

О, Мэри Шелли,
Придумай нам армию
Армию монстров, детей Франкенштейна,
Что оставит весь мир в руинах
И тогда уже будем плясать
На твоих именинах

Если в небе рвёт когти солнце
Если руки сжимают кольца
Не как символ надежды, не как талисман,
А чтоб выбросить их в оконце
И у бритв симпатия к венам
Вспышка поздней любви к сиренам,
Что поют для нас, истекающих кровью,
Не подверженной переменам

Если снова поднята тема
Если Ромул прикончил Рема
И ты скрылся от самого себя
Навсегда в глубинах Мальмстрема
Между нами дождь серой тканью
Не прорваться ни сойкой, ни ланью
Вместо Вечного Воскресения здесь
Будет Вечное Напоминанье.

<1997–2000>

«Безболезненна тварь, что не чувствует радость...»

Безболезненна тварь, что не чувствует радость
Обитать в облаках без прицела на старость
Но весна – это мисс Откровенное Свинство
У неё как положено ей большие стальные глаза
И она непрерывно играет в рулетку
Как зверушка, бежавшая с бойни обратно в железную клетку
В этой клетке она понимает – вокруг сплошная шиза
Я умру барсуком, но я хочу возродиться вертушкой
Раскрутить весь ваш мир и коснуться вертушкой
Белых небес, рождённых в чёрной крови
Я живу как кровавый Мамлеев блокадной весны
Этот крохотный ослик под знаменем первой любви
Мои руки слабы и непрочны как нервы
Бессловесной испорченной нерпы, лакающей воду,
Предлагающей пищу, любовь и свободу уроду
Он берёт только пищу и мы его кормим из рук
А ещё я хочу взять ружьё и убить всех продавшихся сук
Я хочу стать военным ответом тебе, раз ты умерла
Но я знаю, что каждый военный ответ – это чья-то герла
И по первому снегу ползут гусеницы Волшебной Зимы...

<1990–1992>

Взорванная вечность

Взорванная вечность, белоснежная, как снег
Ярость вырастает, как бамбуковый побег
По пересеченьям свежевскопанных дорог
Я гуляю, как солдат без ног
Город ухмыльнётся как трёхмесячный щенок
Над страной завьётся перекрашенный дымок
Вопреки правительству, начальству и семье
Я зарю грусть в сырой земле

Улицы опустели
Так началась неделя
Так я узнал – не осталось Маресьевых здесь
На этой земле

Время многогранно, да меня не наебёшь
Ну-ка, спекулянт, скажи мне, что ты продаёшь?
Вдруг я, для примера, захочу приобрести
Журавля, зажатого в горсти
Впрочем – я не фраер, мне не нужен твой товар
Под моими лапами прогнётся тротуар
Пусть они транслируют предательские сны
Не угаснет искорка войны

Я иду по городу, как берберийский лев
После революции не будет королев
После революции не будет королей
Долларов, дойчмарок и рублей
А пока – довольствуйтесь вселенской мерзлотой
Сытым барским рыком над сгоревшею мечтой
Песнями повстанцев сквозь асфальтовый ковёр
Пауза – оборван разговор.

Гостя Из Настоящего

Чисто поле кивнуло колосом
Накануне оледенения
Пёстрый филин в свободном поиске
Обозначил своё владение
Небо красилось звёзд коронами
Я стоял один в оцепенении
И стрелял боевыми патронами
В жирных птиц своего сомнения

А Земля переполнилась криками
Сердце бьётся в её глубине
Это Гостя Из Настоящего
Обернулась навстречу мне

Зацвели огоньками пустоши
В знак почтения к суеверию
Неожиданной веткой хрустнувшей
Зазвенел телефон доверия
Воздух взвился змей-воронкою
Над скрестившимися дорожками
А пятилетка шла похоронкою
Выбивая дробь босоножками

А весной земля пахнет горечью
Как и всё на этой войне
Это Гостя Из Настоящего
Обернулась навстречу мне

В мёртвом городе сжался точкою
Синий дождь из платочков ситцевых
Что с того, что мы обесточены
Снегопадом надежд неистовых
Ведь последнюю тварь сомнения
Застрелил в упор на закате я
Чтобы Гостя Из Настоящего
Мне раскрыла свои объятия

Сытость алчная, бей пропавшего
Оказавшегося на дне
Ведь нынче Гостя Из Настоящего
Обернулась навстречу мне.

«Интернационал»

Запад есть Запад. Восток есть Восток. Между ними всегда обрыв
Но может быть мост. И этот мост зовётся action naïve
Когда Рашид перебрался в Москву, он думал, что там лафа
Что там всюду ходят доступные скво.

И вместо скинов – антифа

Но кругом сновал люд со своими котомками.

Страшный железный вокзал

Нависал над Рашидом чёрным китом, громадный, как Тадж-
Махал

Все туземцы, как пазл, расставляли рамс.

Все их скво бухали абсент

И Рашид приуныл бы, но вдруг в этот час его не заметил мент

А вернее, заметил. Но рассудил: что взять с тупого хача?..

И вертел дубинкою, крокодил, со сноровкою циркача

И он двинулся дальше ловить людей, у которых есть, что ловить,

Но Рашида не остановил злодей. И значит Рашид будет жить

И с тех пор его жизнь сверкала. И не была на нуле

Двадцать четыре балла по двенадцатибалльной шкале

И довольный, что спас свою жизнь от мента,

Рашид снизошёл в метро

Вниз, где люминесцентная пустота превращает цифры в зеро

Там гремел эскалатор, там шёл состав, принося мириады бед

И Рашид упал на скамейку, устав.

Рядом сидел скинхед

Его звали Вованом, но он предпочёл имя Вольфганг – оно верней

Невесомость в мозгах. На руках наколки. Так принято у парней

Вольфганг ждал на скамейке свою подругу.

Та любила слушать «Rammstein»

Но он вырвал её из неверного круга, включив ей «Sham 69»

И с тех пор его жизнь сверкала. И не была на нуле

Двадцать четыре балла по двенадцатибалльной шкале

А тем временем Маша наводила глянец,

бормоча про себя: «Да ну...»

Затянулся и так мой любовный танец.

Не поеду на стрелку к скину.

Притомили свастики, прочие фишки.

Не могу больше видеть скинов!»

И она потянулась к записной книжке.

Ей попался Андрей Смирнов

– Как дела, Андрей? Не виделись долго... 7 часов?

«Парк культуры»? О'кей!

Мы пойдём в пивбар. Ты возьмёшь пиво «Волга».

И мы будем глазеть хоккей.
Скин смотрел на часы, потихоньку зверея,
проклиная и всё, и вся
А Смирнов погружался в волны хоккея. И молча набухивался

(итак)

Вольфганг думал: «Ещё раз увижу Машу, обломаю рога... Коза»
И тут он видит ровесника (может, чуть старше),
что дремлет, прикрыв глаза
И он сразу понял, что весь mein Kampf надо срочно сдавать в архив
Ибо выше всех принципов есть тот кайф, что зовётся action naïve
Он хлопнул Рашида по плечу: «Эй, чучмек, пойдём делать дела!»
И кассирша вокзала, снега бледней, деньги им отдала.
И потом кто-то видел их в Маракайбо, в ресторане «Отеля-
Палас»...
А Смирнов всю жизнь орал «шайбу-шайбу».
А Маша вообще спилась.

И с тех пор наша жизнь сверкала. И не была на нуле
Двадцать четыре балла по двенадцатибалльной шкале

Запад есть Запад. Восток есть Восток. Между ними всегда обрыв
Но может быть мост. И этот мост зовётся action naïve.

<2009>

«Когда закончатся неоновые ночи...»

Когда закончатся неоновые ночи
И утро выбежит к девчонкам и парням
Мы снова выйдем на окраины обочин
Стрелять по чёрным равнодушным воробьям,
И обмелеют приблизительные реки
Под точным взглядом молодых усталых глаз
Враги отступят в невернувшиеся степи
И будут ждать, когда пробьёт их подлый час

И нас с тобою назовёт лесным пожаром
Интеллигенция и прочее зверьё
И разбежится по вечерним тротуарам,
Чтоб не мешать нам строить наше зимовьё
Мы будем строить зимовьё на прочных сваях,
Неподотчётных летаргии глупых льдов
Ведь мы страшнее самых страшных негодяев
Для вопросительно настроенных скотов

Мы будем жить по безличному расчёту
Уравновесив график злых и добрых дел
Мы соберёмся в истребительную роту,
Чтоб наш народ буквально делал, что хотел!
Чтоб каждый делал, что хотел в пределах нормы
И время весело сжигало свой резерв...
В краю единства содержания и формы
Нигде не будет раздумывавшихся стерв

И под ногами запоют меридианы
Шкалой различий утверждая наш союз
И заживут в боях полученные раны
Любое горе превращая в явный плюс
Мы превратимся в разлетевшиеся звёзды
Для всех, кто временем бесследно унесён
Так дай мне руку (ибо завтра будет поздно)
И шар земной опять останется спасён.

Крик дельфина

Лёг на рельсы иней, а на нём родная кровь
На рисунке детском – убиенный бизнесмен
Дождь над городами, заготовленными впрок
Чертит медиану дрессированного зла
Авантюрной молнии себя не обрести,
Сколько бы удачливых не сгинуло в снегах
Но сердце раскалённое, как револьверный ствол
Вспомнит путь на каторгу, а может быть – на смерть

Вместе с первым криком дельфина
В шумный город войдёт лавина
Вот тогда и посмотрим, кому надлежит помирать

Помнишь, мы бухали в Александровском саду
Помнишь, мы гуляли по искусственному льду
Звёзды нам сигналили из окон облаков
И смеялось прошлое со дна глубин веков
Над тепличным ракурсом ошибочной Земли
Мы летели, злые звездолёты-корабли
Красотою гоночной сбивая небо с ног,
Да прямо в пункт вербовочный, закрытый на замок

Вместе с новым криком дельфина
В шумный город войдёт лавина
Вот тогда и увидим, кому предстоит помирать

Край ты мой озёрный, где тебя похоронил
Коллектив предателей, подписанных на тварь?
Жители пещерные зарылись глубоко —
Пищею кошерной заедая молоко
Ключья в закоулочки... Сгорай, моя семья
Дремлет переулочек, как жадная змея
А последний воин прыгнул с Крымского моста
Улетел – разбился и – приснился сам себе

Вместе с третьим криком дельфина
В шумный город войдёт лавина
Вот тогда и увидим, кому надлежит помирать.

На Зелёной миле

Города и годы
Страны и народы
Слово «ладно» означает «нет»
Но это только просто
Описание природы
А сейчас закрутится сюжет

Полдень. Два амбала
Население устало
И кто их только дёргает за нить...
Нравы. Ритуалы.
Им не будет мало
Смерти всех, кому хотелось жить

Весело и ловко
Лязгнет мышеловка
Чтоб не слышать то, что мы поём
Но на «Зелёной миле»
Там, где нас убили
Мы воскреснем. И теперь вдвоём.

Чёрная эмблема
Звёздная система
Ах, ты так прекрасна только сквозь прицел
Снежные гирлянды
Пусть мы оккупанты
Но этот снег неимоверно бел

Станции, как кони
Правила в вагоне
Ждать врагов и быть самим собой.
Белый астероид
Ничего не стоит
Без соприкосновения с Землёй

Честно и FOREVER
В омут белой нерпой
Но это только первая глава.
Встретимся на Эльбе
До свиданья, Эдвард
Ножницы сильнее, чем слова

Бесконечный вестерн
Нам не будет тесно
Средь обломков битого стекла

Опускался вечер
Зажигались свечи
А полночь вдруг взяла и не пришла.

Новогодняя весна

Гремели громы, словно эхо многократное
Москва общалась с Подмосковьем электричками
Гляди на жизненные реки перекатные,
Как радость древняя в них вспыхивает спичками
Наверно, просто слишком много было прожито
Наверно, просто передозировка временем
За поворотами дорог сверкает родина
Страна нелепая, спокойная, кофейная
И сердце рвётся, словно зверь в холодном омуте
И устремляется вперёд холодным выстрелом
Туда, где небо снегом розовым не тронуто
Туда, где нищие становятся министрами

Снежинки кружатся, серьёзные и верные
Как будто клятвы на могилах павших витязей
Они уносятся в потоки стратосферные —
И стратосферные слои режут на привязи
Рекламы светят добрым заревом неоновым
И угощают Землю мёдом фараоновым
Коты прохожие вдруг кажутся знакомыми,
Они смеются голосами ксилофонными

Война окончена, великая, народная
Теперь лишь ветер шелестит её страницами
Приходят к власти люди, к жизни непригодные,
И занимают в жизни главные позиции
Где удивление скользит по лунным кратерам
И отвлекает их лучами да насмешками,
Любовь взаимная цепочкой мирных атомов
Бежит короткими навстречу перебежками

В небе горят золотые кресты
И киты преподносят друг другу цветы
Любой человек имеет право на жизнь
В рамках своей мечты...

На исходе весны – иглы нового года
В сердце тихий укол
Я думал, что я потерял тебя
Оказалось, нашёл.

<1997>

«Она сказала: «Что такое, в самом деле?...»

Она сказала: «Что такое, в самом деле?
Из-за тебя мы не общались три недели.
Но вот в сознании произошло смещение
Я с бодуна, потребность чувствую в общеньи
Я, как сомнамбула, гуляю по балкону,
Смотрю печальными глазами на икону
Я в пустоте... Я – замирающее эхо
А ты не можешь просто
Взять да и немедленно приехать!»

«Ну что ты, Эн, какие могут быть сомненья!
Я сам с похмелья, я с утра, как привиденье.
В метро менты три раза спрашивали ксиву,
Но я приехал, оцени мой жест красивый!
А сколько времени прождал я в центре зала,
Пока ты все не просмотрела сериалы
Три литра «Сидра» я купил, две пачки «Примы»
«Ну что же, ладненько, – сказала ты —
Теперь поговорим мы»

И так мы пили «Сидр» с завидным постоянством
С утра до вечера. Нам скажут – это пьянство.
Зато мы прыгаем вперёд прыжком пантеры
Из одномерности совсем в другие сферы
Булонский лес шумит тревожными ветвями,
Непроходимый, словно джунгли во Вьетнаме,
Непредсказуемый, как график отношений,
Что состоит из недомолвок, ссор,
взаимных обвинений.

Самое лучшее лето.

<2000>

Пьянство

Пятые сутки запоя
Кто знает, что это такое?
Кто знает, тот вряд ли способен хоть что-то сказать
В квартире, в пьяном угаре
Сидят, как будто бы в баре
Ребята, решившие медленно умирать

Знает любой семиклассник
«Брынцаловка» – это праздник
Об этом поёт современник, поёт и классик
Кот – и тот набухался
Прыгал на стены с размаху
Хозяин пропил свою клетчатую рубаху

Замкнутое пространство
Бухай – да здравствует пьянство
А если удастся – пропей свой осмысленный взгляд
Бухай! Или, может, хватит?
Водка больше не катит
Самое время включить перемотку назад

Теперь перейдём к самой сути:
Бухали многие люди
Каждый думал, что знает, зачем нужно пить
Никто ничего не добился
Майк Науменко спился
А про Ерофеева нечего и говорить

Заманчивая картина
Бухай – если ты скотина
А честные люди – они тем более пьют
Пьяным и невредимым
Шагай по трупам любимых,
Которые тоже частенько тебя предают.

<1997>

«Ты стояла в белом платье у раскрытого окна...»

Ты стояла в белом платье у раскрытого окна
И смотрела на ряды трамвайных линий
И жалела, что пока что от меня недалеко
И мечтала о заманчивой трясине

Ты взяла и полетела вдаль – разыскивать уют
Над деревьями фабричных труб дымящих
Было весело смеяться и прокладывать маршрут,
Облаков не замечая говорящих

А потом сообразительно взмахнула парой крыл —
В стратосферные слои над Красной Пресней
Лучик трепетный случайно вдруг поляну озарил,
Но полянке от того не интересней...

Я подумал, что напрасно на тебя пришёл смотреть
Что смотреть? Небось ведь не рекламный ролик
И мяукала в прихожей, и хотела улететь
Жизнь, нелепая, как двухголовый кролик

Завтра снова будет утро. Всё закружится опять
Телефонные звонки и новоселья
От любви не умирают. Значит, будем умирать
От урлы на остановках и похмелья
.....

Ночью вышел. Осмотрелся. Закупил себе пузырь
Ни урлы, ни благодетелей не встретил
Никого. Безлюдный город затаился, как упырь
Лишь луна. И снег развеян, словно пепел.

Лунных кратеров не видно. Так... Вороночки от слёз
Но луна смотрела правильно и грозно.
В добродушном новом мире, что устроен невсерьёз,
В этот вечер всё осталось несерьёзно.

Утиные истории

Мы черепашки-Ninja
Нас кормят на убой
Нас кормят вкусной пищей
И палюю листвою
Котлетами, колбасами
Коммерческими снами
Чтоб стали пидарасами
И сгнули в тумане

Мы смелые младенцы
Мы делаем историю
И гибнем на просторах
Нейтральной территории
Утиною походкою
Навстречу новой смене
Униженные водкою
Бродячие мишени

Утиные истории
Утиные истории
Утиные истории
Утиные истории
Город Брест —
Мера пресечения – арест.

Шаг в сторону

Белая, белая пыль
Снег тополей, тополиный вечер
Инвалид роняет костыль
Подберу, всё равно мне заняться нечем
Взять бы да накостылять
Мировому праву правопорядка
Денег не сосчитать,
Но похоже, что это опять нехватка

Я НЕ ПОЙДУ ВПЕРЁД
ШАГ В СТОРОНУ БУДЕТ ДЛЯ ВАС НЕЗАМЕТЕН
И СЕГОДНЯ МЕНЯ УЖЕ НИКТО НЕ НАЙДЁТ

Четвёртому Риму не быть
Он загнулся под грузом бухла и страха
Иногда мне хочется выть —
Волчица, куница и росوماха
Я вижу зарево нормы
И к нему руки тянутся непроизвольно
А глупые сонные норны
Мотают в клубок судьбы лохов и воинов

Кому меня нужно искать —
Об этом я не имею понятия
Нет, я не буду ждать
Ракетного лета в свадебном платье
Жизнь человека – клип
Эстетская блажь с непонятым финалом
Мой знакомый здорово влип,
А всего лишь заняться хотел криминалом

Приходите смотреть...
У меня на руках умирает страна
Мне бы только успеть...
Лапы лиственниц помнят свои имена
Но военнопленному свету
Не зарыться в сугробы пушистого снега
Все вертолёты покинули небо
Альфа забыла Омегу.

<1997>

Эпилог

Где пылающий шар, уходящий в зенит,
Ухмыляется нагло и пьяно
Боль земная в глубоком подполье сидит,
Наглотавшись снегов и тумана

Строй сплотился и зажил счастливой семьёй
Травы выросли прямо и стройно...
А мудрость древняя скрылась давно под землёй
И ведёт партизанские войны

Мудрость тихо во сне «Марсельезу» поёт,
Бьётся фильмом за шторами окон,
Реет в космосе и под водою плывёт,
Разрезая волны белый локон

Выбор выбран. И нет миллиона дорог —
В эпилоге сошлись все дороги
Проскакал на восток дикий конь Горбунок
Паровозным свистком длинноногим

Разбежались круги у начала начал,
Разлетаясь на тысячи стаяк
И баяня-вомбат сделал шаг на причал
Посмотреть на разлапистых чаек

Чайки! Чайки! Проснитесь! Уже началось!
Плач в Кремле и салют в Тёплом Стане...
Лишь бумажному змею несладко пришлось,
Он попал в стратосферное пламя

Но коты и бандиты вошли в города,
А Лисицын с Зубровским – подавно,
Чтобы жить и хозяйничать, как господа,
Ну, а если погибнуть – то славно

Сколько песен, и слёз, и крылатых ракет...
И, пройдя по земному этапу,
Ослепительный свет, словно ёлочный дед,
Мне протянет мохнатую лапу.

Только я остаюсь. Всеми вами забыт,
Как копейка в старинной копилке
Поднеси ко мне спичку. Я вспыхну, как спирт
Чистый спирт в недопитой бутылке.

Всё нормально, Земля. Собирай урожай,
Молодых на убой провожай.
Смену лет заряжай, красоту уважай
Этот мир ещё жив. Прощай!

<1997>

Январь-февраль 2013

NB и его стремительная ватага

Искусство уличных боёв, отъёма денег
Мы назовём по-хитрому – «Street Art»
Мы дети улиц. Каждый понедельник
Нас в бой ведёт безумный Бонапарт.

На нём поношенный пиджак и телогрейка
И шарф из меха океанских рыб
Царю цена – старинная копейка,
Но в остальном он – глыба среди глыб

Отметим орден. И старинные ботфорты,
Способные топтать любую грязь.
Как Джон Уэйн из фильмов Джона Форда,
Он сокрушает недругов, смеясь

Отметим шарф спартаковского цвета
А может, цвета «джа-растафарай»
Нестиранный с того смешного лета,
Когда казалось, что вот-вот, и будет рай

И как же можно не упомянуть про кепку,
В которой городской Наполеон
Нам видится и вкрадчивым, и цепким,
Способным развести на миллион

А рядом с ним бредёт его ватага,
Несчастные, пропившие жильё
Готовые загрызть за рюмку браги
Те, кто чужое любит больше, чем своё

Брюнеты-недоумки и блондины,
Чей интеллект ещё не вышел весь
Кто прыгает, кто шествует как льдины —
Смешная человеческая взвесь

Девчоночки плетутся в арьергарде
Не зная ни ушу, ни Лао-Цзы
Но всех, кто следом в след за Бонапартом
Подбадривают криком: «Молодцы!»

Коты встречают громогласным воем,
Который люди называют «мяв»,

Колонну, что идёт не под конвоем,
Амбиции и страх в себе уняв

Уняв в себе и чувства, и смятенье
Как то, что будет лишним при дворе
И, кланяясь земному тяготенью,
Ватага входит в отпуск в сентябре.

Не зря инициалы Nota Bene
Наполеону свойственны вполне
Он нас ведёт туда, где неврастеник
И люмпен вновь окажутся в цене.

Stop

Здесь время застыло, как лава
Застыло, и шут бы с ним
Завтра нас ждёт облава
Поэтому повременим

Словно в жерле вулкана
Секунда, что так важна,
Клокочет и ждёт сигнала.
Для этого рождена

Сметает любовная лава
Мой Пномпень и Пхеньян
Как пишут в старинных романах,
«Я потерял счёт дням»

Плохо учился в школе,
Где преподают ремесло?
Топил свой смех в алкоголе
И не знал, какое число?

Нет, всё гораздо проще
Как в хаотичной стрельбе
В самом сердце бамбуковой рощи
Мой герой заблудился в себе

Утратил ориентиры
Стал, словно гном, ростом мал
Забыл, как стрелять из мортиры
К тому же оголодал

А голод, поверь, не тётка
Не мисс, к примеру, Джейн Марпл
Он подбирается чётко,
Таща свой гремучий скарб

Голод питит не по-детски,
Даже если наелся на треть
И словно инспектор Глебски
Фиксирует нашу смерть

И ЭТО ОТЕЛЬ «У ПОГИБШЕГО АЛЬПИНИСТА»,
КОТОРЫЙ БРАЛ ШТУРМОМ
ЛЮБОЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ОЛИМП

В больнице, где я валялся,

Тасуя свои мозги,
Ночь светилась как ряска,
А днём не видно ни зги

Ни рижской и не рязанской
И никакой другой
Все припечатаны ханской
Врачебной левой ногой

Слово «ВРАЧ» происходит от терминов
«Врать», «воровать», «варить»
И больше на эту тему
Мы не будем здесь говорить

Лучше снова фонтаны, пальмы
Школа, работа, семья,
Лучше – собака Альма
Ник-Рок-н-Ролл и Свинья

Чем люди в белых халатах,
Что кладут тебя в гроб
Зачем мне в гроб? Я не Дракула
И я нажимаю
СТОП.

Больница

Вот человек, измазанный зелёной
И забинтованный, как мумия Египта.
Готовый кадр для голливудской плёнки
В кино его играл бы не Мел Гибсон

Не Шварц, не губернатор Диснейленда
Не Уиллис, твёрдый словно тот орешек
Не прочие ребята из биг-бэнда,
Сметающего в пыль орлов и решек

Зелёный человек в бою изранен
В бою под солнцем, не в огнях софитов
Он выглядит, как будто марсианин,
Наслушавшийся громкого биг-бита

В его глазах танцуют сурикаты,
Спалившие дотла своё поместье
И пусть он скромн, словно мирный атом,
Но сердце бьётся в ожиданьи жести

Ударят жестяные барабаны
Как гром и молния проснутся Нибелунги,
Зелёнку слижут, будто бы сметану
И обновлённый вынырнет из лунки

И станет править бешеной упряжкой
Коней, собак и скандинавских троллей
И вырвется из этой жизни тяжкой
Накладывая свой грим для новой роли

Пройдёт неделя. В новом макияже
Он выйдет бросить взоры на столицу.
Визг тормозов он не услышит даже
И снова попадёт в мою больницу

Врачи лишь покачают головами:
«Как зелена была его долина
До травм, несовместимых со словами —
Ну а теперь он словно прах и глина»

Из этой глины вылепишь едва ли
Полготовца или простого кхмера,
Безумца, что сражался в Трансваале
Или студента золотого универа

Получится из этой дряхлой ряски
Лишь тот же самый старец и пропойца,
Далёкий от идалго в чёрной маске,
От образа индейца и ковбойца.

Хирург устало топает ногою
И ассистенты достают ланцеты
Кромсают тело нашего героя,
Как будто рвут трамвайные билеты

Как будто контролёры озверели
И кто себе кусок отрежет больше —
Окажется – причём на самом деле
Не в Гамбурге, ну так хотя бы в Польше

А чтобы злодеяний киноплёнка
Не выглядела слишком уж жестоко
Они на эти раны льют зелёнку,
Как пьяница в себя бутылъ «Истока»

Потом героя садят на каталку,
Отвозят в направлении палаты,
Где штабелями свалены вповалку
Познавшие такие же прихваты

Дрова, что ждут приказ воспламениться
От здешней пищи низкокалорийной,
Успевшие изрядно утомиться,
Прожив свой сериал многосерийный.

Гранитные семена (Micecatcher town)

Город синих домов, гаражей и крыш
Лабиринт, будь он дважды проклят
Мышелов его строил, охотник на мышь,
Чтоб не слышать мышиных воплей

Если мышь, словно маленький паровоз
Припыхтит в этот город летом
То забудет всё. И пойдёт вразнос
И останется без билета

Ехать «зайцем» – это не для мышей.
Беспонтово, хотя и клёво
У них нет мозгов. И таких ушей,
Чтобы слышать шаг контролёра

Поступь стража порядка чеканно зла
Выраженье лица угрюмо
Ни одна ещё крыса не удрала,
Даже те, что бегут из трюма —

Сбавят скорость, приостановят бег,
Громогласный услышав окрик:
«Ты, с хвостом, а ну предъяви билет!»
Голос в сердце бьёт, словно кортик

Если мышь, как заяц, в нашем стихе
Лжёт, бежит, никому не веря —
То для контролёра на языке
Не найдётся имени зверя

**ГРАНИТНЫЕ СЕМЕНА
МЫ ЕДЕМ НА СЕМИНАР,
ГДЕ НОВОГО ФРОНТА РОСТКИ
ВАС ВСЕХ РАЗОРВУТ НА КУСКИ**

Мышелов построил свой коридор
Чтобы время текло сквозь пальцы
Только время. Время и прочий вздор
Остальные – в капкан, как зайцы

Но и заяц, если он крикнет: «БАНЗАЙ!»
Называться «БАНЗАЙЦЕМ» будет
У животных смелости хоть отбавляй,
Потому они и не люди

«Ричард Львиное Сердце» – зовут короля
Сердце льва, не домохозяйки
И никто этот титул не носит зря,
Как сказали бы SHANGRI-LAIKI

Вспомним БЛЭК УХУРУ, свободу BLACK
Раггамаффин слегка угрюмый
Sandra Jones была там храбрее всех
И её не зря звали ПУМОЙ

Мышелов был зол. Молчалив и зол
И спокоен, как лунный кратер
Когда молод был, он носил камзол,
Когда вырос постарше – латы

А на этих латах – гербы, гербы
Злые сфинксы на алом поле
Это значит – предки легли в гробы,
Утопив рассудок в кагоре

Леопарды, лоси и много дров
Чтоб пылало всё Подмосковье
Чтобы знало, там, где пройдёт мышелов
Будет осень средневековья

Первобытный невероятный страх
Витражей разноцветный холод
Молот ведьм и площадь в алых кострах
Грубой черни визгливый хохот

Тут колдун. Здесь нелюдь и людоед
И палач с мертвецом в обнимку
Бой часов, утруска и мышеед
Подчиняются фотоснимку

На котором майскетчер, наш лютый царь
Улыбается Кларком Гейблом
И никто не скажет, что он устал
Наслаждаться кровавым лейблом
Но...

Счастье сильных, что мыши не знают слов
Но они по первому слову
Как Годзилла выйдут из тайных нор
И растопчут в прах мышелова.

«Красные глаза на белом фоне...»

Красные глаза на белом фоне
Светом опалённого лица.
Bloody Mary, только в алкоголе
Не найти ни драйва, ни свинца

Шапка цвета шапки-невидимки
И спартанский шарф колора «беж»
В голосе звенят такие льдинки,
Будто отправляют за рубеж

Усики, пролезшие сквозь кожу
Нижней оттопыренной губы
И причёска, как клинки без ножен
Или трактор, вставший на дыбы

Не забыть упомянуть про брови,
Словно у цыплёнка табака
Кинопробы не нужны. Для роли
Подойдут и впалые бока

И глазницы – две размытых ямы
И дрожанье нервов и кистей
Может, я пришелец с Фудзиямы,
Что брошен в мир без новостей?

«Мы строили лодку, ладью под названием «Награда»...»

Мы строили лодку, ладью под названием «Награда»
А вышла машина, несущая нас прямо вспять
И пусть наша смерть не осталась этому рада
Но всё приходилось пройти опять и опять

Сперва детский сад, инкубатор для короткостриженных
Потом и учёха, где чувства шлифует станок
Ряды строевой, толпы бритых и жизнью взмурженных —
Тебе повезло, что вернулся не одноног

Потом сделан выбор, лишь по настоянию предков
Не тех, что макаки, а тех, что рарап и тапан
Скамья института разрушила нервные клетки
А в голову с Марса спустился багровый туман

Тебе надо думать, кем стать. Если прёшь по специальности
Рискуешь до пенсии попросту не дотянуть
А если повёлся на лавры своей гениальности,
То мавры едва ли оценят подобную круть

И вот ты сидишь – одинок, насторожен и холоден
Восход за спиной. Впереди стекленеет закат
Фигуры не тонут в багрянце – Джейн, Салли и Холден
Мартышка и оптика. Элвис и виноград.

Сеульский расклад

В небе, розовом от испуга, слышно пение комаров
Полисмены стреляли друг друга, позабыв про своих воров
И какой-то усталый школьник с азиатским именем Ким
Рассмотрев из окна эту бойню, произнёс: «Я стану таким!

Коррупцированным, продажным, тем, по ком рыдает тюрьма
Или наоборот – отважным, как Джон Уэйн, сошедший с ума
И неважно – Харви я Кейтель или сельский коп-дурачок,
Лишь бы был на груди и берете полицейский крутой значок

Пистолет – обязательно Magnum, и к нему ещё кобура
И, конечно, честь и отвага, ну и вся другая мура
Я, как только закончу школу, ухмыльнусь, словно хитрый лис
И наслушавшись рок-н-ролла, поступлю на службу в Police!»

Так наш будущий Грязный Гарри отправляется в свой пятый
класс,

Где одни узкоглазые хари тех детей, кто здесь и сейчас.
У кого никакого фьючер. Те не думают, падлы, о нём
Пьяный сиюминутный кучер их везёт сегодняшним днём,

Где учительница-злодейка вызывает парня к доске
И наш будущий сыск-ищейка тупо чертит мелом в тоске
Не квадраты и не медианы, не прямую или пунктир
А призыв выжигать напалмом весь сеульский преступный мир

Класс, понятно, слегка балдеет. У кого-то отец бандит,
Ну а кто-то сам уже в деле, и за ним местный коп следит,
Пожилой и подслеповатый. Как ему уследить за всем,
Если кроме кровавой расплаты, нет у юношей прочих тем?..

На ковре у директора школы наш герой произносит речь:
«Пейте залпом свою кока-колу. Моё имя – Карающий меч
Моё имя – судебное сито. Моё имя – тугая петля
В ход пойдут сначала бандиты, а потом и учителя»

Чтоб слова не расстались с делом, он берёт со стола дырокол
И директора грузное тело утыкается мордой в пол.
Брызги крови на жёлтых стенах. Новогоднее конфетти...
И последний предсмертный шёпот: «Надоело жить взаперти!»

Ким не лез в молодёжные банды, сотрясавшие весь Сеул
Он похож был на малую панду и не слышал хит «Есаул»
Пристрелить коня или крысу у него б не поднялась рука
Но директора, директрису? Им любой сказал бы: «Пока!»

Потому что хуже бандита нас воспитывающий педагог
Ты приходишь живым подсолнухом, а уходишь словно Ван Гог
Рисовал тебя, от абсента в абстиненцию тихо впав...
В общем, слава корейскому пацану, он опять оказался прав!

«Ты спросишь меня, где мои ордена...»

Ты спросишь меня, где мои ордена —
Они на самом виду
Они под кожей, где конькобежицей
Кровь струится по льду

Там, где у всех лишь алые сгустки,
Рифы красной реки
У меня горят медали за Вудсток,
Поставивший мир на коньки

Словно зверинец рождественских ёлок
Ордена триффида и льва
И если дрогнет сердце, то каждый осколок
Даст им свои слова.

«Я курил табак. Сигареты «West», город Гамбург, без дураков...»

Я курил табак. Сигареты «West», город Гамбург, без дураков
И меня так и звали: «Мистер Уэст в государстве большевиков»
Пачка красного цвета. И, значит, RAF очевидно недалеко
«Вот моя творческая мастерская», – сказал бы Молодняков

Но потом я принялся за «GAULOISES», да поддержит меня
Гейнсбур,
Тоже красный, ибо он пил не квас и щеками сделался бур
Марсельеза играла в его обработке. Каждый выкуренный затяг
Больше не был комом и кашлем в глотке, а порхал-трепетал как
флаг

Сигареты «Лайка» с собачьей мордой, и с таким же оскалом
«Друг»
Прочно канули в Лету. Их не воспел ни Высоцкий, ни Michael
Kroog.
А фигура кота на табачной пачке? Не встречал я такой дизайн,
Чтобы только глянул – и сразу lion. Сразу iron lion from Zion.

Говорят, что в Актюбинске лепят барсов и на пачку от сигарет,
И на «Сникерс», и на батончик «Марса», на любой трамвайный
билет
Эту фишку с барсами денег взамен ловко выдумал Назар-Бай
Все ликуют. И против только Ермен, но мы скажем ему: «Good
Bye».

«Я ходил по коридору в майке с Брюсом Ли...»

Я ходил по коридору в майке с Брюсом Ли
Это был Каньон Де Оро. Маки расцвели,
Пропитались алой кровью грифов и орлов
Стиснуть зубы. Сдвинуть брови. И не нужно слов.

Слов о том, как измельчали в мире короли
Я ходил по коридору в Майке с Брюсом Ли
Брюс оскалился устало. Тоже понимал,
Что пройдёт ещё так мало: И придёт финал

Разомкнутся эти стены кругом по воде
И наступят перемены в каждой ерунде —
Каждый раб и каждый клоун выучит kung-fu
И пойдёт путём Дракона заполнять графу

В той анкете, о которой мы не скажем «toy»
Предъявляешь при ответе на вопрос простой:
«Как ты жил?» А ты бумагу: «Дескать, жил как Брюс
Тоже проявлял отвагу, только a la Russe».

2006

Холод полярных льдин

Скины поют: «Оі», кришнаиты – «Ом!»
Гуси кричат: «ГА-ГА-ГА»
Я знаю, как складывать крылья крестом
И как уходить на луга
Я видел все взлёты и все падения
Над краем взбесившихся Морр
И теперь у меня лишь одно измерение —
Мой ледяной коридор

Тем, кто не верил в возможность прощания
И в то, что каждый – один
Наградой за долгие ночи отчаянья
Будет холод полярных льдин

Какая чудесная нынче погода
Не выразить и в словах
Недавно в наш цирк привезли уroda
Урода о двух головах
Теперь он в вольере своём персональном
Вдыхает лунную пыль
Так и надо, моя дорогая реальность,
Моя правдивая быль
(Ничего) Мы отправим «тюменцев» в арктический холод
И туда же поедет Ермен
А наш Вавилон – это город как город
Заканчивается на Эн

И всем, кто не верил в возможность прощания
И в то, что каждый – один
Наградой за долгие ночи отчаянья
Будет холод полярных льдин

Крики чаек вдоль полосы побережья
И задача объяснена —
Я отнесу осторожную нежность
К полустанку тёплого сна
И бережно брошу её на рельсы,
Расписание прочту, как роман
И заплачет навзрыд машинистка Эльза
Закричит кочегар Циммерман
Моя линия крови. Свинцовая точка
Исполняемая мечта

В ней всё то, чего так хотелось очень:
К мысу радости. Навсегда.

2000–2006

Alphaville

Был межпланетный ринг от звонка к звонку
Как стрельбище каждый шаг к дверному глазку
Батлом батл, сновидение сном, клином клин
Для веры, что реки сойдутся в адреналин
Но реки, как веки, и сходятся, чтоб разойтись
Наш герой часто слышал «Да ладно» и «Попустись»
И думал: «А как, как тут попустишься? Не поможет и кольт»
Кстати, пора уже дать парню имя. Пусть он будет – Изольд

Ассимиляцией всех ремиссий прозвенит тишина
И грянет ласковый дождь в стратосфере, которая не нужна

И вот он спускается в сумрачный Альфавиль
С лицензией на убийство своей любви

Был странный принцип верить своим друзьям
Но какой-то злой демон их всех превратил в обезьян
В личной жизни царила вендетта, много бухла
А потом наступило лето, ша-ла-ла-ла
Лето, зима – за чертой не один ли хрен
Барбусы выросли взрослыми, ростом с мурен
С пистолетом Magnum в дверном проёме здоровенный Амур
И хвост его как гордиев узел. Точней – как бикфордов шнур

Где же твоя Тристана, Изольд? Что это за расклад?
Её светлые волосы перехвачены лентами автострад
И вот он спускается в сумрачный Альфавиль
С лицензией на убийство своей любви

Был леденящий кайф от того, что всё
Уместилось бы в три стихотворных строчки Басё
И сколько таких Изольдов ушло в рассказ
Где вместо сюжета сталь воронёных глаз
И Тристана приходит в общество Аэлит,
Где каждая, кто не Иштар, то значит – Лилит
И прекрасная половина общества, солнечный батальон
Обсудит, как выйти замуж за миллионера, и как украсть миллион

Ночь полнолуния. Звёздная уния. И звёзды, ведя хоровод
Будут петь: Пойди, Автор, выпей яду, а кто-нибудь – Автор жжёт

И вот он спускается в сумрачный Альфавиль
С лицензией на убийство своей любви
И вот Мы спускаемся в сумрачный Альфавиль
И у каждого штампик в паспорте: License to kill...

Ashes to ashes

На брейгелевском «Икаре» видно, как мир завершён.
Помнишь, когда гуляли лесами, лишёнными крон
Было сердцебиение по счёту на три нуля
И странное ощущение, что под сапогами – Земля
Так друг от друга устали, что больше не устаём
Память уходит в Память, укутывая её
В белый саван тумана, в котором было легко
Рупия, может быть ана... Водка ли, молоко...

Танцы на красных льдинах. Пентхаус льда и огня
Не было и в помине никого в контексте меня
Не было и в проекте горизонтов, несущих мрак
И твои корабли на рейде утверждали, что всё будет так
А было...
Кэптен взобрался на мачту и проклял весь белый свет
Девятнадцать приказов команде, которой, в сущности, нет
Как нет принцесс в Авалоне, нет ни чаю, ни табаку
Там смерть и любовь в Сайгоне. Здесь всё в собственном соку

Зайди в телефонную будку. Скажи, чтоб закрыли дверь
Чтобы не достучались сквозь миллионы эр
Чтобы в космической стуже замер весь сантимент
И прыжок – чтоб не было хуже – в красноречие белых лент
В разветвлённую клетку да в панораму дорог
Это цветы из дыма, детка. И от них величайший прок.
И вот с букетиком дымных соцветий, как последний апач,
Я знаю, I need it so much – исключительно – to have nothing to touch

Башня слоновой песни. Спрятанная красота
Снова и интересней. Я целую кровь её рта
Мимо случайных сплетниц, вершащих над космосом смех.
Аркад, эспланад и лестниц безусловно хватит на всех.
И пламя святого Эльма в каждый второй уик-энд
И катер, входящий в эллинг, как будто бы в Neverland
И осень. И воздух сонный, бросающий листья в бой —
Всё это просто купон, meine kleine, аннулированный тобой

Хэй-хэй, пепел к пеплу. Хэй-хэй, прах к праху
Моя Артемида с серебряным луком
Застрелила мою росомаху.

Земля мертвецов

Зомби, повешенный прямо в студии «Колокол»
Зомби, погибший в Сахаре от дикого голода
Зомби, узнавший, что мы живём не на облаке
Зомби, забывший куплеты песни «VORVOLAKA»
Зомби, такой элегантный, ну прямо Шон Коннери
Зомби, вонзающий когти в Дженнифер Коннели
Зомби, сказавший индусам: «Five minutes only»
И зомби, ничем не известный, но всё равно, плохо ли?

Политику нельзя съесть
С политикой нельзя спать
А у нас государство в государстве —
И мы будем в нём умирать!
Зомби, прошедший кастинг у Сиднея Поллака
Зомби, укравший пластинку Дэвида Боуи у Дэвида Боуи
Зомби, загримированный под Марка Болана
Зомби, которого все принимали за Джоуи
Зомби-Луарвик, искавший в гостинице Олафа
Зомби, стрелявший из ружья в Энди Уорхола
Зомби, потративший на ерунду свою молодость
И зомби такой чудесный, ну чистое золото

Эстетику нельзя съесть
С эстетикой нельзя спать
У нас государство в государстве —
И мы будем в нём умирать!

Зомби из политбюро, где Сталин и Молотов
Зомби, пришедший на party, а там был Чарльз Лоутон
Зомби, метавшийся от маркетинга к холдингу
Образованный зомби, читавший Уильяма Голдинга
Зомби-разведчик, по типу Сомерсет Моэма
Зомби, похожий на Путина чем-то, по-моему
Зомби, принявший смерть от руки Хамфри Богарта
Зомби, поверьте, ничуть не светлее Воланда

Реальность нельзя обнимать
Реальность нельзя целовать
А у нас государство в государстве —
И мы будем в нём умирать!
У нас государство в государстве,
Наречённое – Земля мертвецов!
Земля мертвецов...

Игра в гляделки

Позови меня в даль светлую, где теряются огни
Ветви скованы омертою, не дотронься, не взгляни
Междометья шепчут матерно: «Подожди ещё чуток»
Над венком из лунных кратеров сонный шелестит песок
Удивлённое желание. Флегматичный пан Отказ
Как шпиону – спецзадание, наш лабаз всегда при нас
И летят, как чайки, стольники самолётниками в Крым
В падишаховые домики под экраном золотым

Игра в гляделки – как водка без опохмелки
Игра в гляделки – сжигая дни и неделки
Игра в гляделки – такие вот карамельки
Игра в гляделки с планетой,
девальвировавшей себя...

Есть природная гармония и в койотах, и в ежах
Криминальная симфония. Буало и Нарсежак
Погибает нерпа белая. Бантик падает в мазут
Под прямой древесной стеллюю зайцы травушку грызут
То же в царстве человечества. Только проще и страшней
Если кто очнётся вечером в цирке траурных теней —
Рассмеётся, что избавился, что оставил обертон
Обертон непонимания, разделения сторон

Игра в гляделки – от стрелки до перестрелки
Игра в гляделки – get lost под эгидой welcome
Игра в гляделки – такие вот карамельки
Игра в гляделки с планетой,
девальвировавшей себя...

За невыраженным росчерком глинобитная стена
Это так себе, не очень-то. И за ней живёт ОНА
И останется – раскинуться на ковре сосновых лап,
Чёрным сном во граде Иннсмуте зафиксировав ЭТАП
И не песня, и не ария, а сплошной дагерротип
Фотография, как камера, из которой нет пути
Значит, будем отрываться мы. Курс на лампу, мотыли!
Шерлок Холмс спросил у Ватсона
Шерлок Холмс спросил у Ватсона
Шерлок Холмс спросил у Ватсона:
«Как проехать в центр Земли?»

Кольцевая

Корабли уплывут на кленовый восход
Ты ударишь в меня, как в подёрнутый лёд
И на ярмарке красок не станет теней
Каждый луч под дождём будет ал.
Цирк уехал и клоуны бродят кругом
Телефонный звонок пролетит мотыльком,
Мотыльком, что разбился в нордическом сне,
И останется только кристалл

Падай, милый, падай в свой ад
Вниз по кольцевой на дно
И пускай где-то бродит на озере Чад
Твой изысканный... Мне всё равно

Скажем так. Первый день был похож на «Твин Пикс»,
А второй – на его же нелепый ремикс,
А на третью неделю Дианы сплелись,
Как лианы, в змеиный клубок.
Гобелен, он на то, извини, и КОВЁР
Чтобы лани попали в ЗАГРОБНЫЙ ШАТЁР
И охотник – рок-стар, он стреляет на бис
И останется только клинок

Рикки, Тикки, и Тави, и Джекил, и Хайд
Спят в нордическом сне пять нормальных ребят
Или трое. Но «Троя» не катит давно,
Разве только что под «Зверобой»
«Зверобой» – это взлёт. Иногда – тротуар
Осень красит кленовые листья в нуар
Параллельного мира вокзал-теремок
Дракулёнок вернулся домой.

Вот такие проблемы. Такие дела
Саламандра раскрыла большие крыла,
Очевидные, словно бы по of course
Параллельные, как санный след
Это песня про Землю и микрорайон,
Где минуты тобой были взяты в наём
На подёрнутом льду расплывётся вопрос
И останется только ответ.

Фильтр

Мохамед вышел на последний раунд
Какой релиз вам, псы, какой вам саунд?
Get lost! – и магазин кромешной ночью
Стеклянный остров разорвался в клочья
Кинжалом в горло Акке Кнебекайзе
А я же фюрер здесь, я всё же кайзер
Моя Империя в плену республик
И в моих венах ваш новокаин
Звоните рюмками ценою в рублик —
Я самый лучший. Я всегда один

Мутным потоком грызёт биомасса
Центр коньковского зноя
Фильтр
(между ними и мною)

Здесь каждый день реальнее «Твин Пикса»
Здесь каждый час – подобие ремикса
И окажись в квартире Бликса Баргельд
Он не отметил бы, что всё нормально
Когда, озвученный собачьим лаем,
Экспресс ползёт в посёлок Николаев,
Капкан туманов – вот что мне досталось
Смотри, весна, в прицел, как в синеву
Где всё, что можно – лишь, забыв усталость,
Прожить свой срок, как в фильмах Джона Woo

Вздёрнуть Россию да и Украину
Как пираты – взять и на рею!
Фильтр
(между мною и нею)

Размытым заревом открылись реки
Печать легла на сомкнутые веки
Все наши фильмы пересняла «Трома»
Мой нерождённый сын остался дома
И за окном темнеет Мелиора,
Где правит Морра, а страшнее – скоро
Белым пятном улечься на карте бы,
Привести страну в чувство зимой
Моя белая-белая-белая гвардия
Умрёт вместе со мной

Барсы-подснежники третьего класса
В десятисортном Риме

Фильтр —
между нами и ними.

2005

Интернет

Родное Подмосковье
Не знает Кэри Гранта
Сиамка Холи-Молли
В предчувствии инфаркта
Киношники и критики
Маньячат в разных залах.
Два мира, две политики, —
Ты правильно сказала,
Что НИКАКОГО ИНТЕРНЕТА НЕТ
Не будет комплимента
Ни Сцилле, ни Харибде
Ко мне идут два мента —
Быки в моей корриде
В шинелях цвета пыли,
Совсем не виртуальны
Но место им в могиле
Под кроной нашей пальмы,
Где НИКАКОГО ИНТЕРНЕТА НЕТ

Нету никакого интернета
Только кровоток по венам лета
Только замок солнца на ладони
У моей расчувствованной сони
Замок солнца – верная примета
НЕТУ НИКАКОГО ИНТЕРНЕТА

Среди пустого вельда,
Кишащего мышами,
Сидит сиамка Зельда
И хлопает ушами.
Сидит сиамка Зельда
Среди пустого вельда
Даёшь стакан портвейна
Для рыцаря из Эльда,
Где НИКАКОГО ИНТЕРНЕТА НЕТ
Взяв плату материнскую,
Доедете до Минска
И живо там запишете
Два очень жёстких диска
Компьютеры устали
И ждут, когда же вирус!
А мы сперва бухали,

А после отрубилась
И НИКАКОГО ИНТЕРНЕТА НЕТ

Нету никакого интернета
Только кровоток по венам лета
Только замок солнца на ладони
У моей расчувствованной сони
Замок солнца на ладони лета
НЕТУ НИКАКОГО ИНТЕРНЕТА

Только замок солнца на ладони...

Песня для Аниты Муи

Мудрость пришла внезапно
Стрелой в фамильный герб
Каплей портвейна «Анапа»
На отмель, где видели нерп.
Весело вьётся дорога —
Да напрямик в Шангри-Ла
Армия Господа Бога
Дезертировала.
Браунинг вложен в руку
Руку сожми в кулак
И в шерсть вплетай лженауку,
Сверстник мой, волколак,
Чтоб покатались росы
По шкале до нуля
Космос – всего лишь проза
Поэзия – вот Земля
Ночь завершилась трэшем
Трэш обернулся китчем.
Мир по определению не трагичен...

Бросишь, бывало, кубик —
Выпадет ничего.
Сыграем в «любит-не любит»
Под солнцем, знаешь кого
Снег на ладони тает,
Как воск от лица огня.
Catland`a не бывает
Для молодых ребят
Catland бывает вомбатам,
Опоссумам, хоть мышам
А здесь расщепляет атом
Коробок гашиша.
Здесь, если двери в пещеру —
«Банзай» не всегда «Сезам»,
И полудурок Щера
Не находит своих Сюзанн

Детектор лжи очень точен, —
Сказал вдребадан пьяный мичман.
Мир по определению не трагичен...

Трусов рождала планета
Морлоков плодил Герберт Веллс.
Дверь открывается в лето
По технологии «Стелс».

Как не понять таксистам
Вагонеток, ушедших в Мальмстрем,
Вот так и горит рашн-резистанс
В пламени теорем.
Время сметает башни
Андромед и Кассиопей
День завтра станет вчерашним,
А еще говорят: «Не пей!»
В южных широтах льдины
Пропеют последнее «мурк»
Перекрести своё имя
Перед входом в Рулетенбург

Обездолен не очень
Но зато spolна обезличен —
Мир по определению не трагичен...

Стая сильна
Недобитым – хана
Всех добивает она
Каждая нация
Есть интонация
Жизнь абсолютно одна.

Арки

Сверкает планета Нета боками из зла и злата
И в каждом моём моменте секунды – те же стигматы
Стальные канаты нервов уходят в меридианы
И лапы хвойных деревьев роняют свои медианы
Когда умирают боги, о них остаётся память
Когда умирают люди, они частодохнут, как твари
Когда умирают звери, их тени сходятся в крестик
Когда умирает верность, то любой вариант уместен

Расплывчатые пейзажи моих непонятных улиц
Мы жили. Однажды даже на краю рассвета проснулись
Спросите чьё-либо мнение: на что это было похоже?
Вербное воскресенье и заброшенный храм в Камбодже.
Ну а здесь в ледниковой зоне, где не слышно звёздной подсказки
Не выглядит моветоном смешать основные краски
Клумбы, могилы, клубы, несброшенные одежды...
И кровь растворяет кубик, кубик моей надежды

Вот так всё и происходило на одной из мельчайших родин —
Любимый герой – Годзилла, любимое слово – «Сходим!»
Глоток Земфиры там... «Лидии»... И опять прибиваться к стае
Планета Нета не видит. Не чувствует и не знает
Рок-группа составит райдер. В гитару воткнётся штекер
Пойдёт в лабаз гастарбайтер. Его прикончит streikbrecher
Уснёт над тобою Космос. И в мангровой роще панда
Сопит антрацитовым носом, теряя след Чайлд-Роланда

Смотри – черепаха, панцирь горой
Несёт на себе весь шар земной
Двигается медленно, тихо ползёт
Всех нас знает наперечёт
На панцире правды несёт тяжкий груз
Там долг и любовь заключили союз
Она любит реки, фьорды, моря
И даже такого парня, как я...

И ещё раз: вот вам аллеи, растерянные в дороге,
Где, от ненависти стекленя – шли мои носороги
Шли мои крестonosцы, теряя копья и шлемы
Мир решит все вопросы, оставив одни лишь проблемы
Огненный остров Коньково и ни одного силуэта
Клёво? Конечно, клёво! И я всем благодарен за это.
Одна посреди зоопарка...
Один на фоне зверинца...
Вторая и третья арка, перерезанные границей...

2004

Point Blank

Спит удивительный мир под сосновыми лапами
Амбициозно-печальных лоскутных огней
Альтернативно, как будто фантомные атомы,
Мы погружаемся в наше отсутствие дней

В том погружении взломщик простится с Сезамами
Гавань забудет о том, кто таков Магеллан
Многим придётся расстаться с своими Сюзаннами
Мало кто выберет нужную из Сюзанн

Люди теряют друг друга. И ладно. И нахер их...
Город как город – дешёвый прикол Сатаны...
Всё будет съедено солнечною росомахою
И субмарины достигнут своей глубины

Адреналиновый ливень пробьёт наши зонтики
Вдребезги рухнет на землю сердечный витраж
И из осколков я сделаю острые кортики
С ними возможно подняться ещё на этаж

Лифт принесётся к тебе. Улетающий вексель мой
Этой «испано-сюите» не нужен маршрут
В вихре слезинок и в танго нежнейшей аннексии
Нас оккупирует солнце коротких минут.

Земля страшна. Земля больна дезориентацией отсутствия покоя
Я помашу ей на прощанье коготками поцарапанной рукою

Сегодня, как и каждый день, ради тебя я буду
вновь смертельно пьяным.

Ленивец-ревнивец

Ленивец-ревнивец у вечнозелёной лагуны
Ревнует любимую к скалам, ветвям и деревьям
Ревнует к мечу Немезиды и смеху Фортуны
И райские птицы – в слезах – отдают ему перья
И он заплетает венок, означающий траур
По всем многоточиям, так и не ставшим чертою
И, лапу впечатав (как там – в Калифорнии) в мрамор,
Сидит над разбитою раковиною морскою

Он знает, ему не узнать, что случится с тобою,
И только лишь сон принесёт ему успокоенье
И он засыпает под аплодисменты прибою,
Но он знает точно, что сон этот будет последним.

А где-то она зажигает в бенгальском неоне
И рядом, в таком же неоне, виднеется... Кто ОН?
Всегда не одна, как луна на чужом небосклоне,
Где их 27, над планетою NeverAlone
А если одна – значит, тоже не с ним. Яркий парус
Прошёл по кривому пунктиру в какие-то Анды
Ленивец-ревнивец, слеза первобытна, как ярость
Ревнует её к парусам, кораблям и командам

Он знает: потеряно всё, что могло быть иначе
И только лишь сон принесёт ему успокоенье
И он засыпает в спокойном тропическом плаче,
Но он знает чётко, что сон этот будет последним.

Ревнивец-ленивец и сам для себя как загадка...
И повод для ревности – всё, что не он, всё, что кроме
Прибрежные рыбы – и те, чтобы им было сладко,
Давно утонули в его крепком пальмовом роме
Потерянный свет пробивается через лианы
Потерянный райх ближе к лету сжигает знамёна
Открытые раны плывут в неоткрытые страны
И песню об этом полезно послушать влюблённым

Этап за этапом идёт поражение веры
И только лишь сон принесёт ему успокоенье
Во сне будут добрый Инкогнито с маленькой Террой
Но он знает точно, что сон этот будет последним.

Прайм-тайм

Крыльями лапы сложили и жили твои золотые мангусты
Звёзды так ярко, так ясно светили, когда ты рухнул на бруствер
Скобы и скрепки. Туман над окопами. Прочие взлётные полосы
Зевс, похищавший когда-то Европу, теперь открывает оффисы
Льдинками в вену, песочком в глаза,

прочими крайними мерами

Вновь подступающая слеза ловит меня стратосферами
Вышли на улицу, взяли вино и сидят, беспечные баньши
Нечего. Нечего. Запрещено. Ничего не будет как раньше.

Звёздная гавань тебе, контур прежнего берега

Прайм-тайм. Звездолёты уходят в ноль

Нерпы в экстриме, в каком-то Мальмстреме,

в прятки играют с медузами

Лёгкими, как минералка забвения, ты разбудишь меня укусами
Лёгкий прыжок в снеговую кровать. Снежное одиночество
Ты улетаешь, а я буду ждать, ставя секунды, как прочерки
Прочерк поёт остывающим облаком, тенями каравелл
Мы заплатили бы, пусть даже золотом, но магазин закрыт, well
Больше никто и ни с кем не знаком. Вспыхнуло утро закатом
Он же родился уже стариком, глупый Бенджамин Баттон

Звёздная гавань тебе, боль прошедшего времени

Прайм-тайм. Звездолёты уходят в ноль

Так и поют. Так положено с массами. В каждой струне – западня
Выбрали в Думу гассаров с мангасами. Выбрать забыли меня
В комнате дождь. В телевизоре – Eminem. Что-то такое орёт
Звёздная гавань блестит откровением. Время уходит вперёд
Нравишься нам со своими аккордами. Скажут тебе – не верь
Белый бизончик мохнатою мордочкой бьётся в закрытую дверь
Если б куда-нибудь в севенти-найн...

Кончилось. Перексерилось

Аут, любимая. Это прайм-тайм. Крестик на всём, во что верилось

Вечный огонь всем, кто служил моей Родине

Прайм-тайм. Вертолёты уходят в ноль

Крыльями лапы сложили и жили твои золотые мангусты...

Звёзды так ярко, так ясно светили, когда ты рухнул на бруствер...

Прайм-тайм.

ТАК ПЛАВЯТСЯ ТИГРЫ.

Тянь-Шаньская баллада (Як-истребитель)

Я – як-истребитель. В Тянь-Шаньских горах
Логово и берлога
Кто знал огнепады, лавины и страх,
Тот видел обитель бога.
Когда в темноте я спускаюсь с гор,
Дрожат, вибрируют горы.
Я помню всё. Не забыл до сих пор,
И шерсть моя – не ангора.
В оскаленной пасти такие клыки —
Умри, азиат Мураками,
И я никогда не открою замки
Сердца под ста замками

Вы верите в б и еще дважды в б —
Я поклоняюсь Крому.
Я – як-истребитель, Палёная шерсть —
Смерть вашему дому

А где-то внизу, там, где снег не лежит,
В красной пыли Иссык-куля,
Живут злые мальчики и их мужи
И отливают пули.
У них есть мотыги и красный цветок,
Но я не боюсь этих терний.
Я знаю, когда они выпьют «Исток»
И поговорят о модерне,
Я тихо спущусь под покровом тьмы,
Впечатав в гравий копыта,
И освобожу их от этой тюрьмы,
От их фантазий и быта
Всё будет как надо. И всё будет так,
Когда запылают хоромы.
Я – як-ликвидатор. Простой добрый як —
Смерть вашему дому

Серебряной пулей меня не возьмёшь
Мы, яки – не Алукарды! —
Поставим на карту последний свой грош
В игре в небесные нарды.
Мохнатую морду подняв, я смотрю
В оцепеневшее небо
И этим снегам ежедневно пою —
Вот мой Одер и Неман.
И снег удивлённо смыкает глаза
И тает, идя на голос,

Чтоб в огненный Ганг превратилась стезя
Взлётно-посадочных полос

Последний из тех, кто ещё не отстал,
Спокойный и сильный как Ому,
Смотрю, как искрится тьянь-шаньская сталь —
Смерть вашему дому

Всё спето. Но всё же поставлен вопрос
И катится снежным комом:
Зачем в краю клёнов и русских берёз
Нет места моим знакомым?
Чтоб те растоптали антихристов знак,
Вознесшийся над забавой
Чтоб в клетку вошёл терминатор-як
И замер ваш монстр двуглавый.
Ну что... Ничего. Я спокоен в дыму
Мой взгляд – как у Чоу Юн-Фата
Я имя своё не скажу никому,
Имя моё крылато

Досадно, что сам я не много успел,
Но пусть повезёт другому,
И кто-то другой мой продолжит расстрел —
Смерть вашему дому.

2003

Bondiana (Better tomorrow)

Добровольная боль размывает огни коммуналок
И тревожные сумерки сразу меняют окрас
По проспектам шагают колонны печальных весталок
Исчезая туда же, куда и всё шоу – в экстаз
Жизнь идёт алым сном, настигая, но не догоняя
Только нашим глазам охранять амбразуры помех
Только нашим глазам в этой мгле догорать, узнавая
Кошкин дом. Опалённую шерсть. Синтетический мех.

И всё, что зависит от нас
Будет только для наших глаз

Здесь давно, так давно не мурлыкали ягуарунди,
Что в такой тишине поневоле увидишь врагов
Что же скажет княгиня? Что скажут Масяня и Хрюндель? —
Если мы примем контуры прежних своих берегов
Сатана принесёт пару книг о любви в чемодане
Мы прочтём аннотации и побежим за 0,5
А мансарду в предместье построят для нас марсиане,
Чтоб в последнюю ночь показать, что придётся терять.

Четвёртая планета, на которой
Всё, что зависит от нас
Будет только для наших глаз

Если степень кошмара приравнена к степени дара
Значит, нам посидеть 5 минут – и пора на метро
А поездки в метро обнажают холодные чары
Занесённых взаимным доверием проклятых троп.
И под музыку в чёрном рождается живопись в белом
В лабиринте, на тысячном акре, вошедшем в дискрет,
Ариадна рисует следы окровавленным мелом —
Меловые периоды мира, которого нет

В котором всё, что для наших глаз
Будет тем, что зависит от нас
P. S.

Вот вам песня, которую каждый захочет на сборник
Пятый год новый год. Слышен скрежет когтей у окна
Ягуары? Пантеры? Да нет, набухавшийся дворник.
Над квадратом NB тишина. Тишина. Тишина
Над квадратом NB тишина. Имена. Времена.

3.01.2003

Catland

В рыбьей крови меченые атомы
Пил Рыбьяков с мистиками Запада
Пил целый литр – но это дело личное
Фантасмагория в красном и коричневом
Если ты крут – почему всё умножается?
Предки орут, мать-природа улыбается
Стук каблуков, то идёт Весна Весенняя
Уничтожая надежду на спасение —

HAPPY-END по дороге в CATLAND
HAPPY Эн по дороге в CATLAND

Белый январь льётся жидким оловом
Странная тварь приснилась Передонову
Рвётся, хрипит – прямиком в объятия
Для тебя спирт – для меня противоядие
Шёл Росляков и нашёл верёвочку
Сколько веков – сразу на осколочки
Сколько волков – никакого нечета
А смерти нет. Будет завтра вечером.

В рыбьей крови меченые атомы
Сшил Третьяков зверя шестилапого
Выгнал во двор. Думал, будет весело —
Но здесь папа-Ростов. Царство равновесия
Здесь лунная пыль. Банзай, Россия-матушка!
Масла бутылъ ты купи мне, Аннушка
Там, где трамвай... Мы когда-то бегали...
Солнечный край, лучше б тебя не было!

В рыбьей крови меченые атомы
Битва любви с лунными сонатами
Битва дорог с мелкими тропинками
Битва снегов с крохотными льдинками
Крылья свои распростёрла ноченька
Молния-ми ставит многоточия
Точки над «и», и над каждой литерой
Мой алфавит, шрифт мой удивительный

HAPPY-END по дороге в CATLAND
INMOST LIGHT по дороге в CATLAND
INMOST NIGHT по дороге в CATLAND
INMOST END по дороге в CATLAND.

Январь 2003

«Общий знаменатель русской лесополосы...»

Общий знаменатель русской лесополосы
Приземлилась Ласточка к Фемиде на весы
Выстрел Джонни Смита разорвался в январе
И вся банда разочаровалась в главаре
Телеграммы в замки, в стратосферные – успеть
Мы возьмёмся за руки, чтоб ярче видеть цепь
Противоположный берег полон огоньков
Между нами речка из драконовых клыков

Облако мурлычет. Ищет пеленг пелены
Белые лошадки ни в кого не влюблены
Белый вальс останется азартной игрой
В башне из слоновой кости снова пир горой
Телеграммы в замки, в стратосферные слои
Как они спешили, оставляя сны свои
Чтобы их решенье: обмануть, предостеречь
Штемпелем гашенья не коснулось наших плеч

Над звенящим стоном развернулись провода
В цирке плачет клоун. Цирк – такая ерунда!
Крапинками памяти заваривает лёд
Да! Рецепт понятен. Но никто не разберёт.
Слёзы возвращаются обратно на экран
Кракен пробуждается. И снова – океан...
Мы с тобой знакомы. Мы входили в белый зной.
Дом в твоих ладонях, перерезанных струной

Дом 16. Корпус, обречённый на провал.
Гости собирались. Мало кто переживал.
Гости разбегались по домам к другим гостям
Вертикали ждали и стремились к плоскостям
Солнце чтило малость, а не то, что далеко
Время отдавалось только тем, кому легко
И луна дремала, хвост кометы теребя
Все, идущие на смерть – приветствуют тебя.

Приближается устало
Тайна древнего финала
До последнего исхода
Бей любовь —
Спасай свободу!

Март 2003

Space opera (Котобус)

Скрипит и еле движется телега
О том, что всё бессмысленно вдвойне.
Сугробы обескровленного снега
Укроют тех, кто не был на войне.
Я выпил со скотом и спекулянтом,
Он мне сказал: «У русских третий путь»
И парни, наделённые талантом,
Играли так, что в жилах стыла ртуть.

А на Лубянке – жертвенный тренажник,
А в Петрограде – разведённый мост.
Хотела мать, чтоб сын ей был художник,
И он нарисовал ей holocaust. Рога и хвост
А в Усть-Мартынске – траурные флаги
Троянский мамонт, а внутри – спецназ

И ты поёшь про взрыв в универмаге
Под марсианский первобытный джаз.
Космическая опера. Научная фантастика.
На зоне ли, на топе, в белом платъице из пластика
Окраина Москвы котобусом любви
Проносится сквозь вечное «увы»

Ты хочешь, чтоб народу было клёво —
Оставь записки с двух сторон манжет
Поедем завтра, съездим к Гончарову —
Там ходит православный кот Фуршет.
В его глазах взрываются снаряды (оттого ли?)
Что в Кратово родился Сатана.
Нельзя быть вместе и нельзя быть рядом (в главной роли).
Итак, по третьей! (Сделав шаг во времена...)

(прогноз погоды)
Атлантика сольётся с Амазонкой.
Большая рысь переплывёт Байкал.
Я встречу орионскую шпионку:
И мы уснём меж разноцветных скал.
Но даже в снах не перерезать леску,
Один итог – асфальтовый каток
Всё это, безусловно, интересно
И пацаны орут: «Ништяк, браток!»

Космическая опера. Научная фантастика.
На зоне ли, на топе ли, в скафандрике из пластика
Окраина Москвы котобусом любви

Проносится сквозь вечное «увы».

27.03.2003

Dolly/Ватерлоо

Идущие на смерть приветствуют тебя
Шампанское взлетит похмельной пулей в небо
Какой сегодня день? И ты увидишь тень,
Кошмарный силуэт жилого небоскреба.
Идущие на смерть приветствуют тебя
Зелёные глаза стремятся к жёлтым шторам
Ловушки жёлтых штор. И заметают шторм
Трассирующий след Romana Legiorum

Идущие на смерть приветствуют тебя
And what's about love? And what's about weather?
Глупейший сурикат. Взираешь на закат —
Подонки и поэт. Микрорайонный Цезарь.
Идущие на смерть приветствуют тебя
Бессонницы твои. И серебро, и золото
Семь жизней на краю. И девять жизней для —
Под радиоудар московского набата

Идущие на смерть приветствуют тебя
И точка будет там, где раньше – запятая
Бескрайние снега. Финал один – река
Разбитые войска коньковского Шанхая.
Тридцатый с лишним раз приветствует тебя
Неведомое и – невидимое – лето
Лишь в солнечных часах на южных полюсах
Сверкают плавники амфибии Джульетты

А где-то за чертой чертог потерян твой,
Классический союз сближения туманов.
Не обретёт конвой цветы на мостовой
И в призрачных сердцах одни меридианы.
И вот там-то отчаянный матрос получит iron cross
И Женщина-оса обетованный улей.
Доверчивый и злой, присыпь свой рай золой
Шампанское летит в тебя похмельной пулей

Так счастья, любви, всех благ вам, овечки Долли,
Честное слово
Мир, как мы его знали, подходит к концу —
ВАТЕРЛОО!

19.05.2003

Аккордеон

Над Ойкуменой нелюбви
Снега зажгли свои глаза
Они просили подождать,
Но ничего не отменить.
Парнишка получил зарплату,
Думал: быть или не быть —
Котам зерна, сестре – свистульку,
А себе – портвейн «Кавказ»;
Он шёл по городу, смеялся
Вслед асфальтовым каткам,
Вслед палачам-пенсионерам
Пусть умрут в мой взлётный день;
Он ухмылялся вслед тусовке,
Что ни особь – просто клад,
Что ни певец – то Фридрих Ницше,
И с Мисимой в голове
В последний год,
Когда играл аккордеон

Какая солнечная смерть
За каждым новым витражом.
Какая сладкая фиеста
В каждой капельке росы.
Твоя невеста в алом платье
Из нейлоновых сетей.
За перерезанною лентой —
Ойкумена нелюбви.
Твоя невеста спит в витрине,
Рядом новый поворот.
Её разбудят лишь затем,
Чтоб принести путёвку в ад.
Так что – какая тут свистулька,
У сестрёнки выходной.
Когда всё так, «Кавказ» – равнина,
Напои меня, река!
В последний год,
Когда играл аккордеон

А где-то слева, там, где сердце
Край запретки, весь в цветах
И разворачивает демон
Интермедию стекла
В зверинце нету муравьеда
Не пошёл в поход Мальбрук
И нашим лазерным лучам

Знакомо слово «обречён».
Пусть твои плечи ждут сквозь свитер
Сквозь матерчатый скафандр
Нас с малых лет учили жизни,
Нет – мы выбрали любовь.
И даже лабиринт закрыт,
Коты остались без зерна
Нас всех клонировали в полночь
Доброй ночи, милый клон
В последний год,
Когда играл аккордеон.

Май 2003

История Всемосковского Панк-Клуба

Ты должен быть уверен – ты можешь быть увиден
В вольерах все медведи живут не лучше мидий
В краю, где малой кровью залиты все проспекты
Где быть твоей любовью ничем не лучше секты
Рассерженное эхо перстов не вложит в раны
И сердобольным смехом смеются уркаганы
Они тебя поймают в кануне урагана —
Нам надо основать конгломерат.

Конгломерат не роскошь, но достижение цели
Живут в моей постели пушистые метели,
Когда летишь к порогам, где кто боролся с Богом
Не вспомнит о двуногом и о четвероногом.
Но все напоминанья о застеклённом мире
Всегда к твоим услугам, как жид в своём ОБИРе
Так, выходя из лифта, пересчитай монетки
Для тех, кто основал конгломерат.
Ты стала бы святою, но есть такое дело
Над вечной мерзлотою – сплошные райотделы
И все в забвеньи сладком уходят от погони
И нас всего десяток на этом полигоне
И есть одна тревога, и есть одна забота —
Кто выберет иголку и пачку терпенкота,
Того везти на стадион в районе Красной Пресни.
А дальше будет всё, как в одной известной песне («Гвоздь в
голову!») —
И это будет наш конгломерат.

И лишь два комплимента для вас в моей печали —
Мы жили на планете, где всё промифовали
Всех расформировали, и только нас забыли
И мы вам оставляем две крошки лунной пыли —
Для радости беспечной, для ночи бесконечной,
Чтоб ночь, а с нею радость, не удалялись в вечность
Чтоб повернул вспять Энчик растроганную речку —
Чтоб всё не оставалось, как всегда
Мы основали наш конгломерат.

Миша Хабаров
Вит Молодняков
Натали Калиновская
Костя Ковтун
Александр Репьёв
Александр Непомнящий
Денис Третьяков

Стэнли Ростоцкий
Эна Белокурова
Арина Строганова
и так далее, и так далее, и так далее...

Август 2003

Мы были коалами

Ты растворяешься во мне
Пакетом чая «Lipton»
На неподдельной глубине
В тени под эвкалиптом.
Бежали звери на ловца
Им встретились откосы
И раскалённые сердца
Как автоматы «Томпсон»
Рука в руке. Страна в тоске —
Не тема для беседы
Горят в уютном костерке
Три тома Кастанеды.
Чтоб даже глупый дон Хуан
Протягивал нам нити —
Завеса дыма и стакан
В коллекцию укрытий

Песенка спета, но я сформулирую проще:
Мы были коалами в эвкалиптовой роще

...Но это был всего лишь сон
Котёнка у порога.
Звенел комар. Его шансон
Транслировал тревогу.
И в час, когда сквозь шелест сна,
Осваиваясь где-то,
Ты приоткрыла мне глаза,
Их блеск был фиолетов.
— Смотри, вот населённый пункт,
Всё фермы да амбары.
Там есть хозяин. Он манкурт.
Его друзья – амбалы.
Они способны выживать
Вне замкнутого круга.
Нам надо будет всё взорвать,
Чтоб целовать друг друга

Сверим часы... Но я сформулирую проще:
Мы были коалами в эвкалиптовой роще

Взорвать? Подобные дела
Не терпят промедленья.
Я прыгнул в даль, и ты ждала
В тени, любимой тенью
И в час, когда одни кресты

Пылали на закате,
Шептала: ловко врезал ты
По ихней красной дате!
Чтоб наше дерево любви
Украсили гирлянды,
Чтоб не скучали муравьи
И ликовали панды,
Мы растворяемся в себе
Пакетом чая «Lipton».
А люди серые во мгле
Плывут по лабиринтам —

Нас больше нет, но я сформулирую проще:
Мы были коалами в эвкалиптовой роще.

Август 2003

Рейнеке-лис

Быть Рейнеке-лисом среди собак. Медведем среди свиной
Всё равно, что пойти с девчонкой в кабаки,
и решить, что без денег – верней
Всё равно, что взять наркотики 10 унций —
и вперёд на Петровку – оффшор
Всё равно, что однажды утром проснуться и воскликнуть: Как
хорошо!
Этот день уже не такой, как вчерашний. Прогрессивнее во сто крат
Но вокруг тебя строят алые башни, высотой почти с Арарат
Захихикает кот, засмеётся опоссум, расхохочется стрекоза
Ну а зеркало – это твой лучший кент – оно плюнет тебе в глаза

Перекрыли шоссе по команде «вольно» броненосные времена
И не тают снега; белоснежная боль простыней из белого льна
В жизни было всё: записная книжка, телефон, блеск топазовых
глаз
И приход, и привал, и прикольные фишки – не было только нас
А она танцует среди мертвецов, спит, вмёрзшая в глыбу льда
И один только «OFF», и один только ток сквозь её провода
И на лестничной клетке зверьё, и ты третий месяц бухаешь – зане
Ты как нефиг делать обнимешь её, но это будет во сне
Слышен топот Ног, лязг Зубов, слышишь, кореш,
это сотни влюблённых пар
Будет день, и тогда ты меня прикроешь, ты укроешь меня, Иштар
Т. к. все Изида уехали в полночь, растворились в созвездиях – О
Ну, а Рейнеке-лис, он всё же герой, и всё это не для него
Для него в подарок – неон – зоны отсутствия новостей
И матрёшки соседей, анаконды проспектов, чёрные мессы властей
Новогодними ёлками с краю обочин хоровод мировых закулис
И поэтому жить тебе – хочешь не хочешь – одинокий
Рейнеке-лис

Нас больше нет – есть только мы
Зеркало врёт.

Сентябрь 2003

Нет такого зверя

Крылья совы над моей голубятнею
Можно не пить, но напиться понятнее
Листья шуршат озверевшими чипсами
Вкрадчиво, вкрадчиво входят в эклипс ко мне
Белые волны прибоя в последней мольбе
Волнам – комфорт при отсутствии зрения
Дом мой под снегом, Империя, Эн и Я
Гамлеты, Гамлеты, где ваша Дания?
Солнце сжигает росу привыкания —
Эквивалентно – к любви и к прицельной стрельбе

Чтоб...
Нет такого зверя
Ни за что нет такого зверя
Никогда нет такого зверя,
Что не мечтал бы проснуться в клетке твоей

Сколько царяпин на старой пластиночке
Кто хочет крови – тем чёрные рыночки, льдиночки
Хочешь истерики? – Рюмка с Лимоновым
И завтра с похмелья тебя возьмут сонного
Блеском свинцовым и розой зелёной – в расход
Что же ты, маленький, требуешь многого?
Сердце в конверт. Перекрыли дорогу нам
Вот они рядом лежат, запечатаны
Весело мчаться к распаду на атомы
Старше не стали мы. Просто ещё один год

Помнишь, Love-love, уикенды над сферами
Как над собой – над вишнёвыми эрами
Их милосердия, их сострадания
Гамлеты, Гамлеты, как ваша Дания?
Рай под ладонью. Но рай оказался закрыт
И оставалось над старыми картами
Южных морей – ваши райдеры с чартами
В пепел – и водка персидскою тканью нам,
И просто жить, и лететь над туманами,
И заселять Минотаврами внутренний Крит

Пусть не найти нам экспрессов, которые
Наши квартиры не сделали б норами
Но просигналит нам сломанной веткою
Сойка, убитая над «малолеткою»
Фил Панксатонский сплетёт разноцветную нить
Мы растворимся в реальности герцами,

Молнией, оменом – всем розенкрейцерам,
Бывшим приятелям, големам, alien'ам
Дёргаться поздно – мы знаем, как правильно —
Лечь, и упасть, и в прибое предутреннем быть

Нет такого зверя
Ни за что нет такого зверя
Никому нет такого зверя,
Чтоб не мечтал очутиться в клетке твоей.

05.11.2003

2002

Не воскреснет

В. М.

32 с половиной часа. Кнебекайзе летит к Бетельгейзе
Девка кинула пацана, продала, как в романах Чейза
Ретро-вирус попал ей в кровь, и она улетела в лето
Набирай теперь «тройку» и «ноль», осуждая её за это
Чтоб наутро – зелёный свет, если утром проснёшься пьяным
Дружелюбны хвосты комет. Заповедны тропы к полянам
Написать бы парочку книг, родить дочь, посадить секвойю
Но придуман нам маленький мир, чтобы мы не стали собою

Хоть бухай, а хоть взлети над Красной Пресней —
Дрессированная нерпа не воскреснет

Да, Любовь побеждает Смерть – это повод повеселиться
Без возможности уцелеть, без желания раствориться
И нам пела капелла нерп, компетентных в искусстве пения:
«Жили-были Любовь и Смерть. Остальное – без объяснения»
И воздушный наш поцелуй был как взлёт на воздушном шаре
Но зверьё разграбит Клондайк. И менты объявят сафари
Превратится в пушнину Грааль. «Только пепел в
глазах» («Корона»)
Отклоняет диагональ от созвездия Ориона

Хоть три раза прогуляйся к Лотте Эйснер —
Дрессированная нерпа не воскреснет

Черепашкой сверхсветовой пролетали года и годы
Уходили братки в запой в плане коннотативного хода
Относили в лабазы прайс. И зачем той нерпе монета?
Что хотелось бы нам от вас? Улететь со скоростью света!
Умножать богатства страны... Множить можно одни вопросы —
Почему нет такой цены, чтоб отдать за медвяные росы?
Что поделает брат-якут против сотни красных тачанок?
Где мои 15 минут с самой лучшей из однополчанок?

С каждым шагом дивный мир всё интересней —
И дрессированная нерпа не воскреснет
На холодный пустой вагон наш ответ – тяжесть фляжки в сумке
Наших текстов боится огонь. Но дожди стирают рисунки
Кольцам снится морское дно в тишине алых губ кораллов
Этой армии всё смешно. Даже смерть своих генералов

Услыхав про потерю бойца, на привале солдат смеётся...
Нерпа видела подлеца, но решила, что обойдётся...
Свет приходит с далёких гор и в закате спит, пламенея
Люди строят монетный двор, дальновидные – им виднее

Ну а песня – всё равно всего лишь песня...
Дрессированная нерпа не воскреснет
Не воскреснет, не воскреснет никогда.

9.04.2002

Слёзы чёрного тигра

В моём расплывчатом саду
Коты играют в чехарду
Медведь-коала призван наблюдать
Туман над взлётной полосой
Пропитан мёдом и росой,
Но всё равно придётся улетать
У самолёта два крыла
Ты ничего не сберегла
Нам не бродить в полях, разрезанных комбайном
Полей принципиально нет
Мы запечатали в конверт
И отправляем в неизбежность нашу тайну

Мой курс как прежде на закат
Летят навстречу сто Гекат
Я сильно пьян. Мне снова не найти штурвала
Ты говорила: фейерверк
Но мишки сдохли. Свет померк
Мы были просто отголоском карнавала
Глоток. В ушах играет ska
В иллюминаторах тоска
Мне надоело быть пилотом самолёта
Но слышен шорох перемен
Я приземляюсь. Город N,
Где в каждом доме просто Адская забота

Так. Что я вижу? Южный Крест
Темно. В гостиницах нет мест
Кругом валяются сердца и их осколки
Иду. Погоня за спиной
Тот переулочек стороной
Здесь на прохожих нападают мышеловки.
Какой, однако, городок!
В метро на выходе – сурок
На тонких уровнях кусает росомаха
Сюда я больше ни ногой
Поеду в городок другой
Где мой билет до станции Омаха?

И прямо с экрана
Слёзы Чёрного Тигра проступают сквозь титры
Снежные зебры нежности падают вниз

Был хеппи-энд? Да вот он, yes.
Я повстречал её и здесь

У главпочтамта за трубою водосточной
У нас всё общее – и тень,
И жизнь длиною в целый день
И в этой жизни всё красиво и непрочно

И каждую секунду...
Слёзы Чёрного Тигра проступают сквозь титры
Снежные зебры нежности падают вниз.

Июль 2002

Чайная плантация

Чайная плантация на туземном острове —
То ли Полинезия, то ли Соловки
Рыбы рвут аквамарин плавниками острыми
Ночь глубоководная и долгие деньки.
Джейсон там работал по колено в чайной пыли
Презирал он слабый пол, предпочитая шнапс
Знаем, знаем, говорил. Дескать, не забыли
Взгляды ваших глаз и коготочки ваших лап-с
А Медея была дочь главного плантатора
Джейсон её видит – всё, и больше не нужны слова
В детстве о такой мечтал, съезжая с эскалатора
До того, как чёрт занёс сюда, на Самоа

Здравствуй, милая моя
Есть подарок для тебя
Два билета в никогда...

Бегство было медленным, но зато успешным
И кораллы цвета губ, и губы как закат
Вот альтернатива всем движеньям КСПшным
Вот что могут сделать двое. Так что так-то, брат.
Невелик запас воды, но есть запас «martini»,
И медузы светятся, и попадают в тон
Фиджи, Тонга, Токелау, риф Мари-Мартины
Хоба на! Зелёный свет. Город Веллингтон —
Вот они спешат вперёд двойственным десантом
«Три короны» – славный бар. Выпьем за любовь
А смех Медеи – он такой, что без вариантов —
Только солнечным лучом по вене прямо в кровь

– Что же будет дальше? – говорили по соседству
– Сами, что ль, не знаете, где наш Аустерлиц?
У любви, как у людей, непрочен стержень детства —
И осколки над Землёй армадой чёрных птиц
Здравствуй, добрый журналист, падкий на сенсацию
Вот тебе оттенок всех несбыточных надежд
Чайная плантация – как галлюцинация
Джейсон здесь. Медея уезжает в Будапешт.
Джейсон смотрит в небо. В небесах горящий Китеж
С облака свисает перерезанная нить
Милая моя, да мы с тобой могли бы выжить
Если б нам с тобой не надо было вместе жить.

21.08.2002

Тропой бескорыстной любви (Dagon)

Ярость циклона сжимается в мёртвую точку
В городе-зомби, но это ещё цветочки
Вымрет весна, как морская корова и мамонт
В чёрных тонах все холсты современных Сезаннов
Десять Алис не отыщут мой мирный атом
Мёртвая рысь прогулялась по координатам
Детям – лабаз. А девчонкам – цветы из дыма
Вот и весь сказ. Молодец был мой друг Мисима

Меньшее зло распускается вдоль обочин
В лапах – бухло. Но и это тоже не очень
Сверстницы ждут. Но и это тоже не катит
В воздухе жуть. В небе облако с надписью «Хватит»
Морды битлов. Только музыка здесь другая
ON или OFF – нам без разницы, дорогая
Встретишь в ночи – поцелуй мой взорванный вечер
Выбрось ключи – всё равно не откроешь «нечет»

В масках русалок нас видели на карнавале
Цифра, аналог – и вот нас отцифровали
И всё не так – но у нас не просят прощенья
Как бумеранг – вечное невозвращенье
А за окном – Санта-Клаусы дарят подарок
Слёзы ментов, кшатриев, их иномарок
Бродят в ночи стада отборнейшей дичи
Шепчут весне: «Этот день уже не трагичен»

Так всё и будет под изрешечённым покровом
Добрые люди прокричат нецензурное слово
Русский поэт набухается до озверенья
А мёртвую рысь на том свете накормят вареньем
Ленточки скотча буквально прямо с экрана
Сонным песочком засыпан след каравана
Как мотылёк, только искренней и красивей
Солнце моё, мы уходим с тобой из России

Тропой бескорыстной любви
Уходим под воду в нейтральной воде
Подводные скаты помашут нам вслед
Хвосты их начертят в воде кельтский крест
Морские ежи нам подарят ножи
И все варианты равны нулю

Из России – с любовью.

22.08.2002

Madame Baclachkina

Громко и нагло шумят тамтамы войны
В небе проносятся сны сумасшедшей весны
Слева дымится родной пролетарский завод
Справа летает невидимый самолёт
Падай, не падай – повсюду родная земля
Путь к горизонту находится ниже нуля
Рельсы покрыты следами ухоженных лап
Сердце как пламя. Трамвай направляется в штаб.

Сломанный ключик танцует у дверцы зимы
Был Новый Год, но его не заметили мы
Если не жрать, притупляется классовый нюх
Я разрушаю ваш солнечный город для двух
Сердце не камень, не ножницы и не смерть
Нервы на взводе: задействованы на треть
Падай, не падай – повсюду расплавленный цирк
Наши кумиры – Колоколов и Дырк

Где-то по центру Земли находится крот
Мы придём к власти и, может быть, он к нам придёт
Деньги отменит, чтоб мы похвалили его
Ради великого равенства Ничего
Встань же, Империя, чтобы подняться с колен
И заверни моё сердце в полиэтилен
Чтоб я смогла написать леопард через «ю»
И подтвердить этим идеологию

Мадам Баклажка
Купи «Калашников»
Сорви настурцию —
За революцию!
Вперёд на подиум
Умрём за Родину!
Вперёд на Страшный Суд
Пусть нам бухло несут!

Август 2002

Узнать, когда летают самолёты

Пони удачно вписался в диаметр арены
Одиссей закупился пластинкой ансамбля «Сирены»
Слушает и не может никак одуплиться
Отчего у матросов на палубе пёсьи лица.
Метаморфоза – был Плиний, а стал Овидий
В этой шкатулке лишь то, что ты хочешь увидеть
Братство и равенство смерти – хайль, банзай
Волга и Лена в экстазе впадают в Дунай.

Напрасно ты в слезах просил кого-то
Узнать, когда летают самолёты
Тебе, видать, не объяснили в школе —
Летают лишь с травы и алкоголя

Пьяницам часто мурлычат из космоса барсы
Я переснял киношку фон Триера Ларса
Там Бьорку вооружили серебряной пулей
А её сына казнили на электрическом стуле.
Кровь расплывается в контуре брошенных зданий
Джейсон приносит Медее цветочек вниманий
Но чтобы добиться внимания – нужен IQ
И ловкость и наглость, чтоб оказаться в раю.

Меланхоличный ребёнок, воспитанный в шкафе
Грустно плывёт среди мутной воды в батискафе
Бездна темна и ему никогда не покатит
Ни любовь на все времена, ни смех каракатиц
Всем Белоснежкам – усмешка нейтрального зверя
Сонным песочком засыпано таинство прерий
И никакого сиянья арктических глаз
Чтоб в их разрядах прорваться в последний KINGSAJZ.

Октябрь 2002

Колыбельная (Sunset)

Ярко-розовую змеёй
Развернулась кромка заката
Я войду в твой укутанный сон
Электрическим холодом ската.

Холод выше далёких крыш
Холод лучше инъекций под кожу
Нам расскажет про то, что не спишь
И во сне не забудешь тоже

И ни вечером, ни с утра
Ток не будет высоковольтным
Невозможно желать добра
Только меткости нашим кольцам

Так что нечего нервничать
Ведь сюда не летают рейсы
И никто не приложит печать
К лепесткам твоего эдельвейса,

Уцелевшего от огня,
Обернувшегося пожаром
Здесь ничто не против меня,
Но ничто не даётся даром

На границах координат
Повстречались наши икс-файлы.
И уходят в туннель – закат,
Возвращаясь на белый Айленд

Ткань заката – прозрачная ткань
Ей не спрятать того, что было
Прискакала к порогу лань
И сомнамбулою застыла

Значит, стрелки часов грустны
И не сходятся над кристаллом
И ты можешь просить – усни
Но приснятся только вокзалы

Это время закрыть глаза,
Игнорируя собеседниц,
И аккорды, как рейд Ульзан
Как будильник для спящих медведиц

В изумрудном небе – Форт-Нокс
Золотая гроза туманов
Весь ваш Усов – такой же попс,
Как Шевчук и Олег Газманов

Как планета, как синий бант,
Как контакты третьего рода
Смотрит вверх подземный атлант —
Соблазнительна непогода;

Пролетают кареты купцов,
Экранированные экраном.
И созвездие Близнецов-мертвецов
Замыкает свой круг над Сиамом.

Вот таким оказался закат,
Мой sunset – чтобы смысл был ясен.
Мы в палатке купим «Дукат»...
Дым укутает путь восвояси.

На границе всех слов и фраз
Повстречались наши икс-файлы
И уходят в туннель – санрайз,
Возвращаясь на белый Айленд
Уплывая на белый Айленд
Отплывая на белый Island
Все вернуться на белый Island
в итоге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.